

Ростовское областное управление культуры
Музей истории донского казачества
Ростовский государственный университет

**АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСКИЙ МИР
В ПОДОНЬЕ– ПРИАЗОВЬЕ**

(тезисы докладов к семинару)

Новочеркасск 1987

ЭТРУССКИЙ ИМПОРТ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПУТИ ЕГО ПРОНИКНОВЕНИЯ

Материалы к семинару содержат краткое изложение сообщений и докладов семинара, проводимого 21–23 мая 1987 года в Музее истории донского казачества по теме “Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье”

Оргкомитет семинара:

Л.А.Гуров

М.И.Крайсветный

В.Е.Максименко

Б.А.Раев

Редакторы: В.Е.Максименко, канд. ист. наук

Б.А.Раев, канд. ист. наук

Отв. редактор Б.А.Раев

Вопрос об этруских изделиях на северном побережье Понта до недавнего времени даже не поднимался. Лишь в 1970-е гг. была выделена небольшая группа бронзовых сосудов 5 в. до н.э. (О.А.Ганина, З.А.Билимович) и 5 скарабеев 4–3 вв. до н.э. (О.Я.Неверов) этрусского производства, найденных в Северном Причерноморье. К 3 в. до н.э. относится 3 этрусских бронзовых зеркала с рельефными украшениями, включенные в сводку Д.Виллерса (1986), и фрагмент аналогичного зеркала из Пантикапея. Кроме того, в Северном Причерноморье и Волго-Донских степях было обнаружено 8 бронзовых шлемов, которые частью авторов считались этрусскими и датировались 4–3 вв. до н.э., тогда как другие определяли шлемы как латенские 3–1 вв. до н.э.

Пути проникновения этрусского импорта в Северное Причерноморье посвящены статьи Г.Сияди и С.Буше, которые предполагали северный путь через Карпаты (Г.Сияди) и через Фессалию, Македонию и Фракию, минуя Грецию (С.Буше). З.А.Билимович и О.Я.Неверов полагают, что изделия этрусских мастеров доставлялись в Северное Причерноморье путем посреднической торговли. По мнению О.Д.Ганиной, этрусские бронзы могли вывозиться через Грецию в северо-причерноморские колонии, а оттуда попадать в Среднее Поднепровье.

Древнейшим памятником этрусского импорта в Северном Причерноморье является происходящий из раскопок Пантикапей 1949 г. обломок бронзового предмета с вырезанным на нем посвящением. Фрагмент определяли как фрагмент треножника (В.Д.Блаватский, И.Д.Марченко, Ю.Г.Виноградов) или рукояти неизвестного назначения (Н.П.Розанова). Удалось установить, что он представляет собой часть ручки ‘а. По мнению М.Зуффа, такие ситечки-цедилки являются этрусскими импортами. Пантикапейский фрагмент принадлежал типологически самому раннему варианту ‘ов и, по нашему мнению, попал в Северное Причерноморье через Малую Азию, возможно Эфес, со второй волной ионийских колонистов после завоевания персами греческих

городов Ионии в 546 г. до н.э. Находка в Пантикапее дает вероятное объяснение тому, как этрусский шлем второй половины 6 – первой пол 5 в до н.э. мог попасть в ст. Даховскую на Кубани.

К 5 в. до н.э. относится коллекция из 10 этрусских бронзовых ситечек, хранящихся в Эрмитаже, и аналогичный экземпляр из Нимфея. Этого же времени ситула из клада, найденного у с. Пещаное, ситула и ситечко из Геймановой могилы. Совместная находка этрусской и греческой бронзовой утвари показывает, что, вероятно, они попали в Северное Причерноморье с греческими торговцами. Этот факт, а также находки этрусских бронзовых ситечек в Ольвии, Нимфее, Фанагории позволяют отказаться от гипотезы С.Буше, и присоединиться к мнению о посреднической торговле греков.

Бронзовые шлемы найдены в сарматских курганах конца 2 – начала 1 вв. до н.э. и в кельтском погребении (Марьевка). Эти шлемы были отнесены Б.А.Раевым к типу Монтефортино А/В по классификации Р.Робинсона и датированы 4–3 вв. до н.э. Орнаментация, технология изготовления, свидетельствуют о том, что они были сделаны в Этрурии. Шлемы относятся к типу С по Ф.Коарелли, который датирует их последней четв. 4 – первой пол. 3 вв. до н.э. Очевидно, шлемы попали в Северное Причерноморье не с римскими легионерами, как полагает У.Шааф. Находка кельтского погребения близ Богазкёя в Малой Азии, содержащего шлем типа Монтефортино А, латенский меч, копье, фибулы среднелатенской схемы и серебряную тетрадрахму 70–63 гг. каппадокийского царя Ариобарзана I, объясняет пути проникновения ранних этрусских шлемов, а впрочем и предметов латенского вооружения, как в сарматские погребения, так и в мавзолей Неаполя Скифского, – это, вероятнее всего, была военная добыча скифов и сарматов, захваченная во время сражений с войсками Митридата VI Евпатора, в которые, как известно, входили кельтские отряды, набранные из галатов, проживавших в Малой Азии.

Был возможен и другой путь проникновения этрусских вещей. Проведенный анализ комплекса из Марьевки показал, что он включает изделия этрусского, италийско-латенского, раннекельтского круга 5–3 вв. до н.э., а также предметы конской

сбруи, вооружения и одежды, характерные как для культур латенского круга Средней Европы и Балкан, так и для сарматских и позднескифских памятников 2 – начала 1 вв. до н.э. Ранний этрусский шлем попал в низовья Буга вместе с кельтским всадником с Балкан или из района Карпат.

В Северном Причерноморье выделяется группа этрусских изделий 6–3 вв. до н.э., проникавших в этот регион несколькими путями: 1) с ионийскими колонистами (6 в. до н.э.); 2) с греческими торговцами (5–3 вв. до н.э.); 3) с кельтскими воинами (конец 2 – начало 1 во. до н.э.).

С.Б.Бурков, А.А.Мирзоянц О ПРОНИКНОВЕНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ АМУЛЕТОВ ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ФАЯНСА НА ТЕРРИТОРИИ ПРЕДКАВКАЗЬЯ

1. Амулеты из т.н. египетского фаянса часто встречаются в погребальном инвентаре некрополей Центрального и Северо-Восточного Кавказа, а иногда и в культурных слоях. Их производство датируется 4 в. до н.э. – 4 в. н.э., причем устанавливаются три этапа распространения этих предметов: амулеты архаического, эллинистического и римского времени. Последние получили наибольшее распространение по всему югу нашей страны.

Начало коллекции подобных предметов в Предкавказье положили находки В.Ф.Миллера, А.А.Бобринского, П.С.Уваровой, Н.С.Семенова, Г.А.Вертепова и др., сделанные еще в конце 19 века. Они были отчасти учтены в обобщающих работах (Б.А.Тураев, М.А.Коростовцев, Б.Б.Пиотровский, Е.И.Крупнов), авторы которых задались вопросами о путях проникновения и распространения египетского импорта. В 1968 г. вышла статья В.Б. Виноградова, в которой дана почти полная сводка находок интересующих нас предметов в центральном и восточном районах Северного Кавказа, и сделана первая попытка проникнуть в семантику их образов, исходя из местной этнографии. С тех пор источниковедческая база для анализа и обобщений существенно выросла: в регионе за последние 20 лет найдено более 40 предметов.

2. Предметы из египетского фаянса, найденные в Предкавказье, представлены 18-ю типами, и все они проявляют полное

сходство с находками из Средней Азии, Северного Прикаспия, Подонья, Северного Причерноморья, вписываясь в классификацию Е.А.Алексеевой (1975). Это подтверждает версию об их централизованном производстве.

3. Традиционные пути распространения амулетов в Предкавказье: южный – через Ассирию, Урарту и Закавказье (Е.И.Крупнов, Б.Б.Пиотровский), западный – через Северо-Восточное Причерноморье – характеризуют две возможности: получение готовой продукции из Александрии Египетской (Б.Б.Пиотровский) через посредников – античные города восточного побережья Черного моря и меоты, или возможное местное их производство в городах-полисах (Е.А.Алексеева). Однако, возможен и иной путь их проникновения в Предкавказье – через Северное Причерноморье и Подонье.

В качестве транзитных поставщиков амулетов могли выступать как кочевники-сарматы, так и оседлое население близлежащих к греческим колониям поселений, имеющее с последними тесные экономические, политические и прочие связи.

4. Значительная часть импортных вещей, в т.ч. и египетских амулетов, встречена в Предкавказье в погребениях, принадлежащих представителям социальной верхушки кочевников, тесно связанной со знатью и даже царскими домами северопонтийских колоний. Однако амулеты встречаются и в погребениях местных оседлых племен.

Идеология кочевого и оседлого мира, несмотря на наличие каких-то общих представлений, существенно различались. Так, для аборигенов Кавказа характерно выделение «мира людей» в облике антропоморфных фигурок (Кобанская культура в отличие от зооморфного в подавляющем большинстве искусства кочевников. Между тем, соотношение этих традиций с массовой модой на амулеты из египетского фаянса после В.Б.Виноградова никем не освещалось.

6. Для выяснения назревших вопросов необходимо: 1. Создание возможно более полной сводки и картирование находок с территории всей Юго-Восточной Европы и Кавказа; 2. Определение точных хронологических рамок их бытования и корреляция всего инвентаря погребений оседлого и кочевого населения; 3. Анализ их смысловой нагрузки в связи с мировоззрением как

кочевого, так и оседлого мира; 4. Выявление роли кочевников Северного Причерноморья в их распространении.

С.И.Лукьяшко

НАЧАЛО И ХАРАКТЕР РАННИХ ГРЕКО-ВАРВАРСКИХ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Возникновение эпизодических контактов варварского населения Нижнего Дона с греческим миром не имеет четкой хронологической границы. По мнению Т.Н.Книпович оно относится к концу 7 – нач. 6 вв. до н.э., И.Б.Брашинский склонен был относить эти события к 4 в. до н.э., ко времени начала функционирования Елизаветовского городища. Значительный археологический материал, накопленный в последнее время, позволяет вновь вернуться к решению этого вопроса.

Построения Т.Н.Книпович были основаны на товарном характере импортов из криворожского и хоперского комплексов и на существовании торговой фактории у таганрогской каменной лестницы. Исследования Б.Н.Гракова, М.И.Артамонова, а позднее Я.В.Доманского позволили усомниться в товарном характере малоазийских и переднеазиатских вещей из криворожского и хоперского комплексов. Второй аргумент Т.Н.Книпович так же не бесспорен. К сожалению, остатки таганрогского поселения полностью поглотило море, а следы его торговой деятельности не улавливаются в памятниках ближайшей округи, что позволило И.Б.Брашинскому связать поселение с клазоменским наблюдательным пунктом, известным по Плинию и Страбону. Этим вносясь существенные изменения в приведенную Т.Н.Книпович схему. Вместе с тем, связывать начало греко-варварских контактов исключительно с образованием и развитием Елизаветовского городища нет оснований.

В погребальных памятниках степного Подонья второй пол. 6 в. до н.э. и рубежа 6–5 вв. до н.э. встречаются единичные находки античного импорта. Это самосские амфоры (погребения у с. Ново-Александровка и х. Хапры, стеклянные бусы из погребений у с. Койсуг, Высочино, Крепинского могильника) и др.

Они встречаются именно в той группе погребений кочев-

ников, которая связана с образованием Елизаветовского поселения и городища. Процесс седентаризации этой группы, очевидно, стимулировался перспективой посреднической торговли. Характер связей представляется в виде эпизодических разведочных посещений дельты Дона греческими торговыми экспедициями во второй пол. 6 – нач. 5 вв. до н.э.

Дельта Дона была удобным местом, к которому в определенное время года собирались кочевники, что подтверждается географией погребальных памятников этого хронологического пласта. Именно в местах, освященных вековыми традициями или договорными отношениями, совершались межгрупповые общественные и торговые операции, обрядовые действия, известные широко по этнографическим примерам. Благоприятную торговую конъюнктуру региона, изучив ее, использовали греческие торговцы в конце 6 – нач. 5 в. до н.э., со второй пол. 5 в. до н.э. уже активно включившись в торговлю с варварским миром.

К.К.Марченко

БОСПОРСКИЕ КОЛОНИИ В ДЕЛЬТЕ ДОНА

Археологические исследования 1983-1986 гг., проведенные Южно-Донской экспедицией ЛОИА АН СССР в дельте Дона, на территории одного из крупнейших варварских поселений Северного Причерноморья скифского периода – т.н. Елизаветовского городища на Дону, – позволили зафиксировать здесь отчетливые следы существования сразу двух Боспорских колоний.

Первая и наиболее ранняя из них была обнаружена на западной окраине городища. К настоящему времени этот памятник греческой культуры раскрыт лишь частично – на площади около 630 кв. м.

Удалось выявить части по меньшей мере двух-трех больших (от 100 и более кв. м.) прямоугольных наземных сырцово-каменных строений на глинобитных фундаментах и отрезок улицы между ними длиной около 25 м и шириной до 4.5 м. Характер выявленной части застройки – регулярный; все основные элементы ориентированы строго по странам света.

Как явствует из топографии, стратиграфии и датировок импортной керамики, эта эллинская колония имела относительно

небольшие размеры и была инкорпорирована в структуру Елизаветовского городища, представляя собой как бы отдельный квартал крупного варварского поселения с торговой ориентацией экономики. Время функционирования колонии – вторая пол. 4 в. до н.э. – совпадает с периодом наивысшего расцвета хозяйственной и культурной деятельности местного населения Северо-Восточного Приазовья – Нижнего Подонья.

Остатки второй из впервые зафиксированных Боспорских апойкии занимали всю центральную часть Елизаветовского городища, его “акрополь”. К настоящему времени этот памятник изучен на площади около 4000 кв. м. Как установлено, все из ныне раскрытых строительных комплексов описываемой колонии были возведены одновременно и, видимо, по заранее разработанному плану. Система застройки территории – сотовая, близкая регулярной с разбивкой на отдельные районы и кварталы. Два основных района – Западный и Центральный – были отделены друг от друга Большой поперечной улицей шириной в 6.0 м, проложенной через центральную часть поселения с севера на юг. Значительно менее широкие улицы – от 1.5 до 2.5 м – проходили внутри районов.

Все дома колонии принадлежали к типу наземных построек на каменных цоколях с сырцовыми стенами. Площадь домов, по всей видимости, сильно варьировала – от нескольких десятков до 350 и даже более кв. м. Большинство домов состояло из нескольких прямоугольных помещений площадью от 8 до 25 кв. м, объединенных в блоки, окружавшие с двух или трех сторон прямоугольный же в плане двор площадью до 100 кв. м. Полы некоторых помещений и поверхность отдельных дворов были частично замощены каменными плитами. Один или два дома имели черепичную кровлю.

Судя по археологическому контексту и датировкам импортной керамики, вторая боспорская колония была введена в дельту Дона в начале 3 в. до н.э., т.е. вскоре после ухода жителей с территории самого Елизаветовского поселения и его греческого квартала. Важнейшим итогом исследований остатков памятника стало открытие отчетливых следов насильственной гибели этой апойкии, датированных 60-ми годами 3 в. до н.э., что, очевидно,

может быть связано с военной экспансией сарматских племен в Скифию.

В.А.Горончаровский
К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ
БОСПОРСКОГО ЭМПОРИЯ В ДЕЛЬТЕ ДОНА
(по нумизматическим данным)

Одним из важнейших результатов многолетних раскопок Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР на Елизаветовском городище стало открытие здесь в 1982 г. колонии боспорских греков.

Происходящие отсюда монетные находки последних лет представляют большой интерес как для характеристики самой колонии, так и для изучения денежного обращения Боспора в первой половине 3 в. до н.э.

За пять лет раскопок обнаружено 15 медных монет, типологически составляющих компактную группу. Особенно ценно то, что они связаны с конкретными слоями и комплексами. Число монет сравнительно невелико, на наш взгляд, они позволяют сделать ряд предварительных заключений принципиального характера. Прежде всего отметим, что время существования поселения было довольно кратким (Марченко): в пределах 290-260 гг. до н.э., что чрезвычайно интересно для уточнения хронологии выпусков боспорской меди первой половины 3 в. до н.э. В течение этого периода проводились неоднократные перечеканки медных монет, последовательность которых в общем хорошо разработана. Исходной для пантикапейской медной чеканки 3 в. до н.э. послужила серия монет с головой льва и осетром на реверсе, выпущенная в самом конце предшествующего столетия.

До первой половины 3 в. до н.э. на Боспоре зафиксировано три основных последовательных выпуска монет, из которых только первый представлен в материалах эмпория:

1). с изображением головы безбородого сатира в плющевом венке влево и надчеканкой в виде двенадцатилучевой звезды на лицевой стороне и львиной головы с осетром под ней и надчеканкой в виде горита с луком на оборотной;

2). рассмотренный тип с надчеканками: голова безбородого сатира в плющевом венке влево – лук и стрела;

3). деградировавший тип с луком и стрелой.

В первой пол. 3 в. до н.э. в обращении находились также небольшие медные монеты с изображением головы бородатого сатира влево на лицевой стороне и головы быка влево на оборотной. А.Н.Зограф затруднялся сопоставить их с другими боспорскими монетами этого времени и указать их место в истории пантикапейской чеканки. Д.Б.Шелов соотносит начало данного выпуска с серией монет с головой льва и надчеканкой (первая четв. 3 в. до н.э.). Между тем, полное отсутствие среди монет боспорского эмпория как типа с луком и стрелой, так и монет с головой быка позволяет выдвинуть предположение о том, что выпуск этих типов был начат одновременно во второй четверти 3 в. до н.э.

Попробуем теперь оценить значение монетных находок для датировки последнего этапа жизни Елизаветовского городища. Наличие монет только раннего выпуска еще раз, помимо данных амфорных клейм, указывает на непродолжительность существования греческого поселения, в пределах 10-15 лет. Верхняя хронологическая граница его, по-видимому, проходит около 280-275 гг. до н.э.

В данном случае точная датировка четко устанавливает время первого серьезного удара сарматов по населению степной зоны Северного Причерноморья. Дальнейшие исследования боспорского эмпория в дельте Дона позволяют уточнить сделанные предварительные выводы.

В.Г.Житников
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
КОНЦА 6 – НАЧАЛА 5 В. ДО Н.Э. НА НИЖНЕМ ДОНУ
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЕЛИЗАВЕТОВКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Материалы раскопок последних лет позволяют удревнить время возникновения Елизаветовского поселения и отнести его в конце 6 – нач. 5 в. до н.э. (Брашинский, 1980, 1983). Поселение возникло как сезонное стойбище – зимник кочевников и постепенно превратилось в оседлое (Артамонов, 1947, 1949). Обычно его формирование связывается с началом оседания группы местных кочевников, происходившим под воздействием раз-

личных факторов, в т.ч. развивающихся греко-варварских экономических контактов (Брашинский, 1977, 1983). Однако, имеются все основания полагать, что появление зимника связано с коренными изменениями политической и демографической обстановки в Северном Причерноморье в указанный период.

По мнению ряда исследователей, после разгрома войска Дария I в 519 г. до н.э. резко меняется внешняя политика скифского объединения: ее доминантой становится экспансия в соседние земли: кочевниками была покорена часть земледельцев лесостепи; прекращается жизнь на большинстве верхнеархаических поселений Нижнего Побужья и Поднестровья; обостряются фрако-скифские отношения. В 80-е годы 5 в. до н.э. усиливается скифское давление на греческие полисы Боспора и синдов, что вынудило боспорских эллинов объединиться под эгидой Археанактидов в федеративный оборонительный союз – симмахию.

Археологические материалы свидетельствуют о нестабильной военно-политической обстановке в указанное время и в Северо-Восточном Приазовье. В конце 6 – нач. 5 в. до н.э. прекращает существование Таганрогское поселение. С нач. 5 в. до н.э. в степях вокруг донской дельты практически исчезают кочевнические погребения. Именно на рубеже 6-5 вв. до н.э. в дельте Дона возникает Елизаветовский зимник, а несколько позднее начинает формироваться его курганный могильник. В елизаветовских курганах 47 комплексов датируется греческой керамикой различными периодами 5 в. до н.э. Неоспоримой представляется связь этих событий с важнейшими изменениями в политической обстановке в Северном Причерноморье. События на Нижнем Дону можно представить в следующем виде. В конце 6 – нач. 5 в. до н.э. на Дону появляется группа кочевых скифов, основавших зимник в донской дельте. Кочевники быстро устанавливают контроль над окрестной степью: местное кочевое или полукочевое население было либо подчинено, либо вытеснено, Таганрогское поселение разгромлено. Этим и можно объяснить очевидный факт запустения донских степей в 5 в. до н.э.

Едва ли возникновение зимника связано с деятельностью местных варваров; материальная культура поселения и погребальный обряд могильника свидетельствуют о появлении новой, этнически однородной группы населения явно скифского проис-

хождения (Брашинский, Марченко, 1984; Копылов, Марченко, 1986).

На протяжении большей части 5 в. до н.э. раннее Елизаветовское поселение оставалось зимником кочевого или, вернее, полукочевого населения. На это указывает отсутствие выраженного культурного слоя 5 в. до н.э. и остатков долговременных жилых построек. В возникновении Елизаветовского зимника проявились, помимо политических, общие тенденции социально-экономического развития населения степей Северного Причерноморья. Оседлые поселения этого времени, за исключением округа греческих городов, в степи не обнаружены. В 6-5 вв. до н.э. седантаризационные процессы не являлись интенсивными и доминирующими в скифском обществе (Хазанов, 1975).

К рубежу 5-4 вв. до н.э., прежде всего под влиянием греко-варварской торговли, поселение постепенно превращается в полукочевое, а затем и постоянное городского типа.

В.П.Копылов

О ВРЕМЕНИ ПРЕКРАЩЕНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВАРВАРСКОГО ТОРГОВОГО ЦЕНТРА В ДЕЛЬТЕ ДОНА В СВЕТЕ БОСПОРО-СКИФСКИХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА 4 – НАЧ. 3 ВВ. ДО Н.Э.

В ходе работы Южно-Донской экспедиции в дельте Дона в последние годы были сделаны открытия, заставляющие пересмотреть отдельные моменты истории Елизаветовского городища, в которой отразились все социально-экономические и этнополитические изменения, характерные для региона в целом.

Открытие на «акрополе» скифского городища остатков греческой, боспорской колонии, выведенной сюда сразу же после прекращения жизни на варварском поселении, выдвинуло на первый план ряд вопросов:

1). о причинах вынудивших варварское поселение покинуть Елизаветовское городище, а следовательно и весь район правобережной дельты не в результате прямого военного конфликта или стихийного бедствия, а по неясным пока причинам;

2). о роли новой боспорской колонии в торговых греко-варварских контактах для всего региона;

3). как увязываются эти события с военно-политической ситуацией, которая сложилась на Боспоре и в степях левобережья

Дона в конце 4 – начале 3 в. до н.э.

Этот круг проблем невозможно решить без установления верхней даты существования скифского поселения и времени вывода боспорянами своей колонии на место уже прекратившего свое существование поселения.

При решении вопроса о времени ухода варварского наследия из островной части дельты Дона первостепенное значение имеют курганные погребения, 152 из которых датируются греческой импортной керамикой. Погребений первой пол. 3 в. до н.э. нет, семь погребений (4,6%) могут быть датированы концом 4 – нач. 3 в. до н.э. Следовательно на рубеже 4 и 3 вв., а скорее всего в самом конце 4 в. до н.э. прекращается сооружение курганов.

Грунтовый могильник, связанный с боспорским городом не обнаружен, но о его наличии свидетельствуют найденные на территории городища греческие каменные надгробия. Археологически проследить перерыв между уходом варварского населения и выводом туда боспорской колонии не удастся. Нумизматический материал позволяет предположить, что боспорское поселение существовало уже в самом нач. 3 в. до н.э.

Основанный боспорянами город заменил варварский торговый центр. О его деятельности, видимо, связано увеличение импорта в нач. 3 в. до н.э. в районы левобережья Дона.

Уход скифов из района дельты Дона в самом конце 4 в. до н.э. на наш взгляд не связан с давлением сарматских племен, так как следов их в это время в Северо-Восточном Приазовье нет. Очевидно, верно предположение, что борьба за освоение земель левобережья Нижнего Дона сарматами начинается только в 3 в. до н.э., а утверждение политического господства сармат в Скифии происходит не ранее рубежа 3-2 вв. до н.э. (К.Ф.Смирнов, М.Г.Мошкова).

Рассматривая военно-политическую ситуацию в интересующем нас районе, можно уверенно констатировать, что реальной силой которая могла вынудить скифов покинуть район дельты Дона, было Боспорское царство. Очевидно, уход скифов из дельты Дона и вывод боспорянами на место Елизаветовского городища своей колонии можно связать с событиями, которые происходят на восточных границах Боспора при Евмеле (309-304 гг.) и его преемни-

ке Спартоке III (304-284 гг.).

Участие «европейских» скифов на стороне претендентов на боспорский престол, потерпевших поражение в борьбе за власть с Евмелом, позволило последнему нарушить союз со Скифией и расширить границы своего царства на востоке, очевидно дипломатическим путем. В связи с основанием боспорянами новой колонии на восточной границе следует напомнить данные Диодора Сицилийского о предоставлении Евмелом жителям Каллатиса места для поселения на Боспоре.

М.Ю.Вахтина

ЗОЛОТАЯ ПОДВЕСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АФРОДИТЫ ИЗ РАСКОПОК ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА

В 1985 г. при исследовании центрального квартала греческого поселения, раскрываемого на территории Елизаветовского городища (Нижний Дон), была найдена круглая золотая подвеска с изображением задрапированной женской фигуры, сидящей на летящем лебеде. Богиня представлена сидящей лицом к зрителю между крыльев летящей вправо птицы. Изогнутый клюв птицы упирается в орнамент из выпуклых точек, окаймляющих композицию. Связь изображения с небесной сферой подчеркивается тремя звездами, помещенными под крылом лебеда.

Подобные изображения женского божества, сидящего на лебеде или гусе, были широко распространены в античном мире начиная с классического времени и трактуются исследователями как изображения Афродиты Урании.

Данные письменных, эпиграфических источников, многочисленные археологические материалы свидетельствуют о почитании этого божества жителями, широко почитаемого на Боспоре, не противоречит гипотезе об основании здесь античного эмпория выходцами из этого региона. Очевидно, эта подвеска была в конце 4 – нач. 3 вв. до н.э. изготовлена на Елизаветовском поселении

боспорскими ювелирами или же, скорее всего, привезена с Боспора. Представленная на ней композиция является уникальным в торговле Северного Причерноморья изображением Афродиты Урании на летящем лебеде.

И.Ю.Шауб

**К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ ОТРУБЛЕННОЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ГОЛОВЫ У ВАРВАРОВ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ПРИАЗОВЬЯ**

Известно, что отрубленная голова играла важнейшую роль в таврском жертвоприношении богине Деве (Геродот, IV, 103). На Дону, на европейской стороне Боспора, на Тамани, в Прикубанье, на Северном Кавказе и в Таврике культ отрубленной головы засвидетельствован не только памятниками искусства, но в ряде случаев прослежен археологически (Елизаветовское городище, Илурат).

Особый интерес представляет культовый комплекс, обнаруженный на Елизаветовском городище, где отрубленные головы найдены вместе с кружальными вотивными блюдцами. Эта находка позволяет видеть здесь не просто широко распространенное у первобытных народов представление о голове как вместилище духов, но и сопоставить этот комплекс с оргиастическими культурами Восточного Средиземноморья, для которых было характерно почитание отрубленной человеческой головы, связанное с идеей возрождения.

Судя по изображениям на произведениях искусства, весьма возможно, что у причерноморских и приазовских варваров существовало две формы культа головы: экстатическая женская, что было свойственно и аналогичным культурам Восточного Средиземноморья (сатиropодобная голова в руках змееногой богини на бляшках из Куль-Обы, с Тамани и из Херсонеса; ср. жертвоприношение Деве) и воинская мужская (колпачок из Курджипса, ритон из Карагодеуашха, где под ногами лошадей бога и царя лежат обезглавленные тела). Вероятно, эта форма рассматриваемого культа была связана с верой в возможность получения заключенной в голове магической силы для захватившего ее в качестве трофея.

**ОСНОВАНИЯ К ИССЛЕДОВАНИЮ РИТУАЛА
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ В ПОДОНЬЕ И
ПРИКУБАНЬЕ 4 В. ДО Н.Э. – 1 В. Н.Э.**

1. Четверть века назад под Новочеркасском было исследовано несколько богатых, т.н. «царских» курганов сарматской эпохи. Осмыслена культурно-историческая значимость этих памятников, скорректирована датировка (Раев, 1979). Однако информативная ценность их не исчерпана. Есть возможность рассмотрения семантики ритуала (жертво)приношений, конечный результат которых и выявлен при раскопках.

2. Осуществлению этого исследования способствуют результаты раскопок 3-го Соколовского кургана под Новочеркасском, могильника Лебеди-1 на р.Понуре и ряда памятников близ аула Уляп в Адыгее.

3. Во всех названных памятниках реконструкцией ритуала (жертво)приношений обнаруживаются сходные черты. Часть (жертво)приношений приурочена к погребениям, иные имеют автономный характер и являются свидетельством функционирования святилищ. Среди (жертво)приношений выделяются разовые и регулярно повторяющиеся. Особенности ритуала (жертво)приношений нагляднее становятся при ретроспекции от курганов Ниж.Подонья к святилищам Уляпа и далее – к Ульским «курганам».

4. В самой поздней из этих групп, новочеркасской (I в. н.э.), под насыпью обнаружены квадратные могильные ямы, около которых и располагались (жертво)приношения. В составе вещевых приношений – изделия античных мастеров из бронзы, серебра и золота. Ярков чертой ритуала является помещение вверх дном таза под и около которого располагаются другие вещи. Эта черта явится индикатором наличия в составе (жертво)приношений изделий из серебра и золота и в более ранних памятниках открытых на Дону и Кубани.

5. Лебеди-1. Под одной из насыпей (на погребенной почве) обнаружены: кости коров и лошадей, скелет женщины, в ногах которой – несколько костей мужского скелета. Около них –

лежащий вверх дном небольшой бронзовый таз, золотые бляшки, предметы вооружения. Могильной ямы нет. Эти черты отделяет комплекс от расположенных поблизости погребений того же времени, совершенных в грунтовых ямах.

6. Уляп. Семь из раскопанных здесь насыпей дали картину, трактованную как святилища. В отличие от памятников первых двух групп здесь четко прослеживается намеренная порча вещей и расчлененность скелетов животных и людей. Количество святилищ, их размеры, структура, ритуал перекликаются с сообщениями Геродота (IV, 62) о скифских святилищах. Ряд вещей типологически восходит к малоазийским образцам, часть вещей - малоазийского производства. По крайней мере, одна из зафиксированных здесь черт ритуала вещевого жертвоприношения имеет параллель в Авесте – вырванный левый глаз коня, протомой которого завершена нижняя часть хриаргирионного ритона. По Авесте (Ясна, 11, 4) левый глаз коня приносится в жертву богу Хаоме. Характерной чертой является тройственность жертвоприношений (три виды жертв: бык/корова, лошадь, человек; три металла: бронза, серебро, золото; три группы жертвоприношений), отвечающая первоначальному смыслу обряда «тризнь». Погребения отсутствуют, все следы ритуала – на искусственно сооруженной площадке. Рядом со святилищем – грунтовой могильник того же времени.

7. Через Уляпские святилища цепочка ретроспекций тянется к Ульским «курганам». Здесь ни одного достоверного погребения. Остатки людей, обнаруженные здесь – это следы человеческих жертвоприношений. Наряду с ними – жертвоприношения животных, главным образом лошадей. Ритуал, как и в Уляпской группе, совершен на специальной, поднятой над уровнем погребенной почвы, земляной платформе. Дата – 5-4 вв. до н.э.

8. С течением времени при переходе от «скифской» культуры к «сарматской» обряд эволюционирует, приурочивается к погребению. Стойко сохраняются детерминированные признаки, свойственные ранним формам ритуала (облик вещей, композиция их в сакрализованном пространстве, наборы приношений).

М.П.Чернопицкий К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СТЕПНЫХ И АНТИЧНЫХ ТРАДИЦИЙ В СФЕРЕ КУРГАННОЙ ОБРЯДНОСТИ

1. Курганные сооружения, появляющиеся в Средиземноморье не позднее 3 тыс. до н.э., стали органической частью мира античной культуры уже в период ее сложения, в микенскую эпоху. Традиционный тип погребального кургана с дромосом и ложнокупольной гробницей (толосом), закрытыми мощным курганным телом, восходит здесь к древнейшим мегалитическим прототипам. Он целиком сохраняет их внутреннюю структуру и функциональную организацию пространства. Однако античность знала и курганные постройки непогребального характера - мемориалы, царские гиеротесийоны, курганы в ансамблях «герооно», позже т. наз. «трофеи», наконец курганообразные храмовые зольники («эсхары»).

2. Степная курганная традиция, развивающаяся в Северном Причерноморье с 4 тыс. до н.э., уже на ранних этапах обнаруживает тенденцию к обрядовой полифункциональности сооружений, выполнению ими комплекса назначений в различных культовых циклах, в т.ч. и незаупокойных. Известные примеры многопланового обрядового использования одного кургана, выступающего в таком случае, видимо, как своеобразное «универсальное» святилище под открытым небом.

3. Взаимодействие этих древних традиций началось задолго до античной эпохи, поэтому контакт греческого и варварского в области курганной обрядности нельзя трактовать как встречу совершенно различных, незнакомых друг другу идейных концепций. Его следует рассматривать – в диахронном плане – на общем культурно-историческом фоне никогда не прекращавшихся взаимовлияний между цивилизациями Средиземноморья и населением понто-каспийских степей. Важно учесть, что непогребальные функции кургана проявились в степи в основном в интеграции различных обрядовых назначений, создании изначально многоцелевых культовых построек курганного типа.

4. В контактных зонах Северного Причерноморья смещение норм и ритуалов курганной обрядности приводило к появлению необычных, в т.ч. уникальных комплексов. Показательны курга-

ны у сс. Николаевка, Днепровское, Зеленый Яр, некрополь Панское-1 и уникальные Краснознаменные курганы, Кара-Оба, Шверинский, Большая Близница. Особо интересны курганы некрополя Танаиса, демонстрирующие совмещение собственно греческих (поминальные столбики, массовое разбивание амфор) и чисто степных (жертвенные ямы, приношения шкуры животного, захоронения собак, рыб, костры у подножия кургана) элементов как в постпогребальной практике, так и в ряде отправлений очевидно непогребального характера.

5. Количественное сравнение комплексов показывает, что в ходе взаимодействия двух традиций местная, с комплексным назначением сооружений, примерно к рубежу н.э. начинает преобладать над греческой, где различным обрядовым функциям соответствовали разные типы курганных построек. В первые вв. н.э. курганы округи античных центров отражают преимущественно «варварский» подход и к решению пространства памятника, и к пониманию самого смысла создания кургана, предназначавшегося для продолжительного функционирования в действующей системе культуры, в мире живых. Причины явления кроются в специфике социального заказа, предъявляемого степным обществом к монументальной обрядовой архитектуре. Вместе с тем взаимообогащение «идеями» имело важные последствия как для степной курганной традиции, так и для исторического наследия курганной архитектуры в целом.

М.И.Крайсветный ЗАЩИТНЫЙ ДОСПЕХ ИЗ ГРУШЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1980 году экспедиция Новочеркасского музея истории донского казачества в кургане 18 Грушевского могильника раскопала комплекс тризны, в который входили конское снаряжение и воинское вооружение.

В поле кургана был обнаружен лежащий основанием вверх бронзовый шлем, заполненный деталями конской сбруи, железными наконечниками стрел и бронзовыми панцирными пластинами. рядом со шлемом лежал остролистый железный наконечник копья. Найденные здесь же фрагменты керамики датируют курган 4-3 вв. до н.э.

Шлем имеет сферический слегка вытянутый купол с козырьком, отделенным от тульи треугольным выступом, переходящим на боковых сторонах в волюты. Назатыльник прямоугольной формы отделен от тульи выступом. Изнутри имеются шарнирные петли для нащечников. Шлем является полной аналогией шлему из с.Каменка на Нижнем Днепре. По мнению некоторых исследователей последний является фракийским; другие считают его переделкой фракийского в Скифии. Наша находка, до мельчайших подробностей повторяющая шлем из с.Каменка, позволяет говорить об отдельном, самостоятельном типе шлемов. Шлем такого типа изображен на фронте храма Афины Алеи в Тегее, что позволяет назвать тип «тегейским» или «эолийским» и датировать его 4-3 вв. до н.э.

Панцирь представлен бронзовыми пластинками двух типов, соединяющимися между собой скобами. К первому виду относятся пластинки с заостренным нижним концом, имеющие посередине рельефное ребро. Эти пластинки отличаются количеством отверстий для крепления в зависимости от места расположения. Система крепления позволяет говорить о жестком типе панциря на кожаной основе. Второй вид пластинок имеет вытянутую прямоугольную форму, и, вероятно, составлял подол доспеха. Набор панциря шел слева направо, частично перекрывая предыдущие пластины и нижние ряды.

Детали позволяют реконструировать доспех в виде короткой рубашки с оплечьем с защитой из пластин только спереди. Полной аналогии нашему доспеху обнаружить не удалось. Отдельные детали сближают его с панцирями из Кармир-Блура и Тель Риф'ата, где они датируются 8-7 вв. до н.э. Но наиболее близки ему по типу доспехи из Нузи и Мегиддо, датируемые 15-12 вв. до н.э. Близкий по форме доспех изображен на всаднике с барельефа дворца Синнаххериба в Ниневии. Очерченный круг аналогий говорит о перднеазиатском центре производства подобных доспехов.

В 8-7 вв. до н.э. жесткие панцири сменяются более гибкими, со свободно свисающими пластинами. Таким образом, между временем изготовления панциря и сооружением кургана существует разрыв в 300-400 лет, объясняемый анализом исторических событий.

Существовавшая в Передней Азии традиция храмовых подношений позволяла сохранять предметы в течение длительного времени. Разграбление храмов этого региона связывается с походами Александра Македонского, когда в руки греческой армии попало огромное количество трофеев. Допустимо, что панцирь оказался затем в отряде наместника Фракии Зопириона, который в 331 году предпринял поход в Скифию. После неудавшейся осады Ольвии армия была полностью уничтожена скифами, в руки которых попало вооружение греков.

Е.В.Переводчикова
ОБ АНТИЧНОМ ВЛИЯНИИ НА СКИФСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ
(по материалам Прикубанья)

Сосуществование античной и варварской культуры в Северном Причерноморье – явление достаточно сложное и многогранное. Одна из его сторон – контакты скифского звериного стиля с античным искусством, - получила различную интерпретацию в литературе.

Общим является представлении об античном влиянии как о чисто внешнем факторе, действующем независимо, в силу исторически сложившегося соседства двух культур. В основном решается вопрос о роли античного влияния в истории скифского звериного стиля, о том, обогатило ли его греческое искусство или же, наоборот, способствовало его разрушению

Изучение изобразительной системы скифского звериного стиля Прикубанья позволило сделать следующие наблюдения. Ранние произведения звериного стиля в основных чертах схожи с предметами из других областей степи Евразии, следы античного влияния в них единичны и поверхностны. Значительные следы эллинизации присутствуют в памятниках круга Семибратних курганов (5 в. до н.э.). Эти признаки греческого искусства сочетаются с чертами искусства ахеменидского Ирана, что в целом придает этим вещам сходство с греко-персидскими. В 4 в. до н.э. (ст.Елизаветинская и похожие памятники) следы античного влияния несущественны, проявляются лишь в некоторых типах синкретических существ (орлиноголовые грифоны, гиппокампы), но не в стиле изображения. Звериный стиль

в это время отмечен чертами ахеменидского искусства в сочетании с признаками искусства кобанской культуры.

Такое неравномерное распределение признаков античного влияния заставляет полагать, что основная причина влияния одного искусства на другие едва ли заключается в оставшейся постоянной географической близости двух культур.

На протяжении всей истории звериного стиля Прикубанья принципы построения его изобразительной системы остаются без изменения, что заставляет предполагать ведущую роль скифского звериного стиля в создании в 5 в. до н.э. произведений смешанного облика. О самостоятельности отбора изобразительных средств свидетельствует и то, что признаки греко-персидского искусства, отличившие изображения 5 в. до н.э., в 4 в. до н.э. заменяются другими признаками, столь же мало влияющими на систему изображения.

Вывод о том, что античное влияние не было простым следствием близкого соседства двух культур, а осуществлялось «по заказу» скифского звериного стиля, косвенно подтверждается материалами 5 в. до н.э. других областей евразийской степи.

В это время звериный стиль распадается на локальные варианты, причем специфичность некоторых из них также состоит в наличии признаков чужеродного, не обязательно античного влияния. Причины образования локальных вариантов следует искать во внутренних процессах в культурах скифского мира, а античная окраска некоторых из них не может быть просто результатом влияния иной культуры, как бы высоко та ни была развита.

Сделанные наблюдения приводят к выводу о том, что в Прикубанье производился отбор изобразительных средств из искусства окружающих культур в то время, когда в этом была необходимость. Косвенно об этом свидетельствует и то, что античное искусство было воспринято в греко-римском варианте, отчасти родственным скифскому звериному стилю. Античное же искусство выступает не в роли активно влияющей и формирующей силы, а как источник новых средств изображения.

Г.Н.Вольная

НОВЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ «ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ» СКИФСКОЙ ЭПОХИ В КОНТЕКСТЕ ПРИЧЕРНОМОРСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ СВЯЗЕЙ

1. О предметах скифо-сибирского «звериного стиля» в центральных районах Северного Кавказа написано немало исследований. Последняя обобщающая сводка находок была предпринята в 1976 г. В.Б.Виноградовым. С тех пор коллекция соответствующих предметах пополнилась новыми яркими находками в основном с территории Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии (могильники Ялхой-Мохские, Шалинский, Нартанские курганы др.). Эти материалы находят аналогии в искусстве племен евразийских степей, в т.ч. в памятниках Приазовья и Подонья, что составит вопрос о необходимости специального изучения подонско-северокавказских связей в области зооморфного искусства.

2. Общей чертой предметов «звериного стиля» является декоративность. В числе анализируемых новых находок - зооморфные предметы конской сбруи и вооружения (псалии, наконечники ножей, конские налобники, уздечные бляшки и подвески, боевой нож). Зооморфное искусство было выразителем своеобразных сложных идеологических и эстетических представлений, поэтому среди находок есть и такие, которые непосредственно связаны с сакрально-магическими ритуалами (птицевидные бляхи, навершия жезлов и т.д.). Семантика образов скифо-сибирского «звериного стиля» в различных областях его бытования во многом схожа. Так и в новых материалах изображение орла чаще всего связано с конем и является олицетворением солярных культов. Орел также символ верховной власти (парадные изображения хищных животных (пантера, волк), на наконечниках ножен акинаков, возможно, связаны с магическими представлениями или являются олицетворением определенных сторон древних схем мироздания. В искусстве многих народов известен мотив «двух начал в едином целом», нашедший отражение в изображениях на имитации клыка и бляхе с фантастическим копытным хищником, в сценах противоборства на птицевидных бляхах.

3. Несмотря на и изобразительные особенности искусства конкретных областей, они являются локальными вариациями в общем скифо-сибирском «зверином

стиле». Это видно на примере новых северокавказских находок, стилистически близких предметам звериного стиля их Приазовья и Придонья, как органической связи евразийских степей с их сложным этно-культурным составом населения. Изделия из нартанских курганов имеют более «чистый» северопричерноморский (скифский) облик, тогда как новые предметы «звериного стиля» из Чечено-Ингушетии синтезируют в себе черты двух зооморфных стилей – скифского и кобанского. На основе последнего и развился локальный изобразительный вариант скифо-сибирского искусства, включавший в себя и многие элементы из скифо-савроматского приграничья.

Д.Э.Василиненко

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ПОГРЕБЕНИЙ КЕЛЕРМЕССКОГО ВРЕМЕНИ СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ С ПОГРЕБЕНИЯМИ ГРУППЫ НОВОЧЕРКАССКОГО КЛАДА

1. Наличие кочевнических элементов келермесского времени в Центральном Предкавказье фиксируется по материалам (пятигорского) варианта кобанской культуры осложненных степным влиянием и памятников Ставропольского плато (Виноградов, Дударев, 1980; Петренко, 1983, 1984).

2. Инвентарь данных комплексов находит близкие аналогии в памятниках келермесского времени нижнего Донского Левобережья – Алитуб, Высочино, Новая Александровка (Кореняко, Лукьяшко, 1982; Максименко, 1983; Гуркин, 1985), Лесостепного Закубанья (Галанина, 1985); правобережного Лесостепного Поднепровья (Смирнова, 1978, 1980).

3. Памятники, по ряду взаимосвязанных признаков тяготеющие к донским, открыты в степном Правобережном Прикубанье – совхоз «Красноармейский» Красноармейского района, к.1, п.1; ст.Новокорсунская Тимашевского р-на, к.1,п.2,п.3 (Чернопицкий, 1986). Присутствие здесь данной группы отмечено также по проникновению характерного для нее инвентаря в памятник краснодарского варианта меотской культуры (Каминский, 1987), что явилось одним из факторов, обеспечивающих своеобразие этого варианта. (Каменецкий, 1985).

4. Кочевнические памятники келермесского времени, локализованные к северу от Кавказа до нижнего течения Дона по

комплексу признаков наиболее близки к синхронным памяткам Степного Причерноморья – Никополь, Нижние Серагозы, Константиновка (Мурзин, 1984).

5. По форме и размерам погребальных сооружений, положению и ориентации костяка, частично – по составу инвентаря группа кочевнических памятников Степного Предкавказья обнаруживает сходство с подгруппой памятников новочеркасской ступени, расположенных в Подонье, Поднепровье, Крыму - Днепровка, Кремневка, Луговое, Первомаевка, Старобогдановка. (Гошко, Отрошенко, 1986; Дубовская, 1986). На рубеже новочеркасского и келермесского времени происходит передвижение подгруппы на Левобережье Дона, где она имеет хронологические продолжение в виде выделяемой группы келермесского времени (Кореняко, Максименко, 1978).

6. Представляется возможным связать данное перемещение с появлением в Левобережном Поднепровье - Правобережном Подонье подгруппы памятников с характерной конской упряжью типа Новочеркасского клада. Проникновение указанной подгруппы новочеркасской ступени на Северный Кавказ происходит через Лесостепное Закубанье, где фиксируется у мог. у х.Кубанского (Анфимов, 1975). С учетом принятой ныне датировки предкелермесских памятников (Галанина, 1983; Членова, 1984) такие памятники, как Лермонтовский разъезд, Алексеевский курган, Ставропольский курган 1953 г. следует относить к этой же группе.

И.Н.Анфимов

МЕОТСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р.КУБАНИ

1. В настоящее время на правом берегу в нижнем течении р.Кубани, на территории Красноармейского и Славянского районов Краснодарского края, известно 7 поселений 4-2 вв. до н.э. (ст. Красноармейская, хут.Беликов, ст.Старонижесбелиевская, г.Славянск-на-Кубани, х.Лебеди, ст.Ивановская и Марьянская). Поселения однотипны и представляют собой неукрепленные селища, состоящие из нескольких холмообразных возвышенностей. Большинство поселений разрушено при строительстве рисовых систем.

2. В 1986 г. экспедицией КГИАМЗ была исследована сохранившаяся часть селища, расположенного в 2,5 км от ст.Старонижестеблиевской. Поселение представляло собой два небольших холма высотой 0,4-0,5 м, состоящих из культурного слоя. Вскрыта площадь 300 кв.м. Культурный слой толщиной 1-1,2 м, слабо насыщен, архитектурных остатков не обнаружено, поселение однослойное.

3. Основным материалом, найденным на поселении, являются фрагменты керамики, кости животных (лошадь, корова, овца, свинья) и рыб. Керамика представлена посудой местного производства и греческим импортом. К первой группе относится сероглиняная столовая и кухонная лепная посуда. Среди привозной преобладают обломки остродонных амфор 4-3 вв. до н.э. (Синова, Фасос, Боспор и др. центры). Встречены также фрагменты лутериев, мисок, кувшинов и единичные обломки чернолаковых сосудов, встречались пряслица и ткацкие грузики.

4. Остальные селища не исследовались. Их датировки и культурная принадлежность определяются на основании подъемного материала, аналогичного описанному. На селище у хут.Беликов, наряду с амфоры 4-3 вв. до н.э., найдены фрагменты хиосских пухлогорных амфор второй половины 5 в. до н.э. Красноармейское селище датируется амфорным материалом 4-2 вв. до н.э., на нем найдено более 30 клеменных ручек Синопы и Родоса 3-2 вв. до н.э.

5. С поселениями связаны находки кладов медных пантикапейских монет последней четверти 4 в. до н.э. Наиболее крупный клад (1200 монет) найден в 1986 г. близ ст.Старонижестеблиевской. Наряду с кладами известен и целый ряд единичных находок монет этого периода, что указывает на существование денежного обращения на данной территории.

6. Эта территория в 1 тыс. до н.э. была заселена меотами. Сероглиняная керамика, остатки хозяйственных печей-очагов, другие материалы поселений характерны для меотской культуры Прикубанья. Вместе с тем, вышеописанные поселения отличаются от меотских городища среднего Прикубанья и Восточного Приазовья топографией, отсутствием укреплений, меньшими размерами. Для них характерны массовые находки античной керамики, чего мы не наблюдаем на меотских городищах, расположен-

ных восточнее станицы Марьянской.

Наличие значительного античного импорта и обращение пантикапейской медной монеты, имеющие хождение на внутреннем рынке Боспора, позволяет предполагать, что данная территория могла входить в границы собственно Боспорского государства в 4-2 вв. до н.э.

Н.В.Анфимов

ЕЛИЗАВЕТинское ГОРОДИЩЕ КАК ЦЕНТР ТОРГОВЛИ БОСПОРА С МЕОТскими ПЛЕМЕНАМИ ПРИКУБАНЬЯ

1. С конца 5 в. до н.э. Спартокиды начинают вести активную политику с целью присоединения прилегающих к Боспору плодородных земель, как на западу, так и на востоке.

Экспансия в Азиатской части приходится на время правления Левкона I и его приемников. В первой пол. 4 в. до н.э. к Боспору была присоединена Синдика, что способствовало дальнейшей территориальной экспансии в отношении меотских племен. Это нашло отражение в Боспорской эпиграфике – надписях с именами и титулатурой Спартокидов. К середине или во второй пол. 4 в. до н.э. меотские племена правобережья р.Кубани (дандарии, псессы) вошли в состав Боспорского государства и границы Боспора продвинулись далеко на восток.

2. Во второй половине 4 в. до н.э. на меотском городище у ст.Елизаветинской возникает боспорская торговая фактория. В эпоху эллинизма она превращается в крупный торговый центр, откуда товары, привозимые с Боспора, расходились среди мотских племен далеко на восток.

3. Торговые связи Боспора с Прикубаньем наиболее ярко прослеживаются по находкам амфор и ряда других импортных предметов. На Елизаветинском городище обломки амфор и чернолаковой керамики 4 в. до н.э. единичны. Материалы эллинистического времени 3 в. до н.э. и, в особенности, 2 в. до н.э. весьма многочисленны. Преобладает ввоз Синопы и Родоса. Среди клейм имеется одно фасосское 3 в. до н.э. и два кидских. В могильнике встречена амфора косского типа. Из Елизаветинского городища синопское и родосское вино шло далеко вглубь степей и в Закубанье. С Боспора поступала чернолаковая керамика, «ме-

гарские» чаши, флаконы, в небольшом количестве черепица, ювелирные изделия и др. Товары, в основном, доставлялись из Фанатории, которая, согласно Страбону, являлась перевалочным пунктом для товаров, «идущих из Меотиды и выше ее лежащей варварской страны». Через елизаветинский эмпорий шел экспорт хлеба из Прикубанья на Боспор.

4. Расцвет эмпория приходится на эпоху эллинизма. К середине 1 в. до н.э. торговля сокращается и к концу века Елизаветинское городище, как крупное меотское поселение прекращает свое существование.

А.З.Аптекарев

К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛ. 4 – ПЕРВОЙ ПОД 3 ВВ. ДО Н.Э.

Большинство исследователей называет азиатскую часть Боспорского царства во второй пол. 4 – первой пол. 3 вв. до н.э. в пределах географических границ Таманского полуострова и береговой полосы Черного моря в границах современного Анапского района. Пограничным форпостом государства обычно именуют Семибратнее городище – предполагаемую столицу Синдов. На территорию к востоку от этого городища власть Боспорских царей, как, считают, распространялась чисто номинально. Основными эпиграфическими источниками для реконструкции Боспорских границ на востоке считают титулатуру боспорских царей, свидетельства Диодора о гражданской войне на Боспоре между сыновьями царя Перисада I Сатиром, Евмелом и Пританом. Использование археологического материала затруднено из-за слабой изученности района низовий Кубани к востоку от ст.Варениковской. Вместе с тем упускается из виду такой важный источник, как нумизматический материал.

Известно, что находки монет почти всегда, за исключением случаев их вторичного использования, соответствуют территории их обращения. Известно также, что меотские племена денежного обращения не знали. Вместе с тем картирование нумизматического материала позволяет четко выделить районы распространения боспорских монет – как единичных находок, так и кладов. Последние четко очерчивают границу зоны денежного

обращения, которая должна примерно соответствовать границе государства, т.е. той территории, население которой не номинально, а фактически находилось в юрисдикции Государства. Эта граница расположена значительно восточнее предполагаемой ранее; ее в средней и южной части можно провести по линии Старониевская-Крымск-Новороссийск.

Именно вокруг этой линии сосредоточены нумизматические находки, там обнаружены городища, содержащие в своих культурных слоях большой процент находок боспорского происхождения. Небезинтересно в этом плане и погребение с греческими чертами погребального обряда в грунтовом могильнике Старониевского городища.

Т.А.Прохорова

БЕГЛИЦКИЙ НЕКРОПОЛЬ

(предварительные итоги)

Остатки поселения и некрополя на Беглицкой косе были открыты М.А.Миллером в 1927 году. Культурный слой поселения не фиксировался уже в 50-е годы. Могильник продолжает интенсивно разрушаться обвалами берегового обрыва. Спасательными раскопками 1956, 1958, 1974-1980 гг. установлено совместное существование на некрополе подкурганных и бескурганных захоронений, что объясняется изменением обычаев и представлений кочевников в условиях перехода к оседлости и, судя по инвентарю, социальными и имущественными различиями.

Подкурганные захоронения совершены в глубоких катакомбах; фиксируются ровики с остатками тризн. Бескурганные захоронения чаще в могилах катакомбного типа, есть захоронения в ямах с подбоем и простых грунтовых ямах. Подкурганные и бескурганные катакомбы однотипны.

Все исследованные погребения ограблены. Обряд реконструируется в общих чертах – труположение в вытянутом на спине положении, на камышовых циновках, с оружием, конской упряжью, в некоторых случаях с конем во входном колодце, с разнообразными украшениями, ориентировка широтная. Использовались в ритуале мясная заупокойная пища, реальгар.

Типы могильных конструкций, обряд, керамика местного

производства находят ближайшие аналогии в памятниках скифской культуры Причерноморья, что позволяет говорить о скифской этнической принадлежности наследия, оставившего некрополь.

Отмечается одновременно высокая степень эллинизированной материальной культуры, что вообще характерно для памятников, расположенных на морском побережье, что делает возможным непосредственные контакты с греческими купцами.

Греческий импорт на Беглице представлен более всего керамикой. По центрам производства керамическая тара составляет: Гераклея Понтийская – 63%, Херсонес – 21%, Синопа – 4%, 12% - амфоры круга Фасоса, типа Солоха I и Солоха II, др. центры. Чернолаковая посуда некрополя аттического и малоазийского производства, красноглиняная столовая посуда – боспорского. Украшения привозные – бусы, стеклянные литики. Импортный материал датирует некрополь нач. 4 – первой пол. 3 вв. до н.э.

Известно, что греко-скифская торговля строилась по типу натурального обмена. Представляется, что одной из причин возникновения поселения на Беглицкой косе было вовлечение варваров в активные экономические отношения с греками, в которых обе стороны были заинтересованы одинаково. Это повлекло оседание части кочевников-скифов и возникновение сети новых поселений в нач. 4 в. до н.э. в районе Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья.

В.Б.Виноградов

ПОДОНСКО-ПРЕДКАВКАЗСКАЯ «САРМАТИЯ»

(некоторые задачи комплексного изучения)

1. Выход в свет монографии В.Е.Максименко (1983 г.) и последующие исследования я подводят существенный (хотя и далеко не окончательный) итог накоплению и изучению савромато-сарматских древностей в ранее «неизвестном» (А.А.Спицин) Нижнем Подонье. Подобная перспектива вряд ли реальна в обозримом будущем для территории степного Предкавказья. Рост фонда кочевнических погребальных памятников 7-3 вв. до н.э. был обеспечен здесь в последние 10-15 лет (как и в Подонье) си-

лами большой группы специалистов, но обобщающее его исследование в ближайшее время, к сожалению, не ожидается.

Между тем, обе названные территории являются, по существу, взаимопротяженной частью южнорусских степей к западу от Волги, исторические судьбы населения которой, имея локальные отличия, складывались в общем русле развития в течение нескольких тысяч лет. Подразделение этой обширной зоны на более или менее «суженные» области конкретных исследований должно трезво осознаваться всего лишь как условное (инструментальное) облегчение подхода к уяснению единых в принципе закономерностей исторического прогресса в большой ареале генетически тесно связанных кочевнических культур. Особая специфика и сложность изучения определяются еще и контактной зоной, которыми обладают Подонско-Предкавказские степи.

2. Сейчас остро назрела задача исчерпывающего картирования и поэтапного сопоставления основных признаков кочевнических древностей савромато-сарматской эпохи в границах всего региона с целью уяснения общей археологической панорамы и уточнения имеющихся ныне представлений об улавливаемых «локальных границах», которые воспринимаются чаще всего как межплеменные внутрирегиональные рубежи. В качестве примера эффективности работы такого рода следует привести коллективное издание «Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья».

3. Традиционный для археологов «этно-культурный» интерпретационный уровень использования накопленного фонда источников далеко еще не исчерпал своих возможностей (особенно в плане применения формализованных методов). Однако в конкретном случае на повестку дня становится проблема поисков и реализации новых путей комплексного исследования всей суммы фактов для выявления сути исторических закономерностей и реалий, определявших ход развития кочевых племен (в их взаимосвязи с «варварской» и античной оседло-земледельческой и ремесленной «хорой») с границах степного региона.

Достаточно отметить, что перспективные направления ис-

следования, разработанные, например, С.А.Плетневой применительно к кочевникам средневековья остаются, практически, «не востребованными» для осмысления предшествующей эпохи. Между тем, археологическая и письменная фактура источников Подонско-Предкавказской «Савроматии» представляют богатые возможности для сопоставления корректировок. В качестве лишь одной из частных, но перспективных посылок можно привести конвергентно апробированную на материалах Северного Кавказа (В.Б.Виноградов, В.Л.Ростунов и др.) и Украины (В.Ф.Генинг) методику оценки сезонной информативности ориентировок захоронений для реконструкции динамики и темпа освоения региона новыми группами кочевников. Еще более существенна настоятельная необходимость поисков и изучения краткосрочных (ситуационно-периодических, сезонных, традиционно-контактных и др.) стоянок номадов.

Первые опыты в Терско-Кумском междуречье (Е.В.Крупнов, В.Б.Виноградов, В.А.Петренко и др.) показывают перспективность таких попыток.

4. В границах очерченного региона недостаточно учитывать результаты межплеменных и межкультурных контактов, взаимовлияний, процессов аккультурации и ассимиляции. В последние годы на материалах Северного Кавказа выработана концепция принципиально существенной, а в чем-то и исключительной роли межэтнического синтеза как фактора и развития исторических феноменов в лице новых этно-культурных образований (В.Б.Виноградов, Я.Б.Берзин, В.Л.Ростунов, А.О.Наглер и др.), выступающих в качестве мощного стимулятора общерегионального исторического процесса. В этой связи остро дискуссионные проблемы соотношения «скифского» и «савроматского» компонентов в кочевнической среде региона, исторической сущности «сирматов», «язаматов», «сираков» и иных групп нуждаются в более глубокой оценке в общем контексте зоны складывания и накопления тех сил и тенденций, которые заявят о себе в последующие века на широком фронте Северного Причерноморья, Кавказа и Северного Прикаспия.

А.С.Скрипкин

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ХРОНОЛОГИИ САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

За последние 30 лет в результате деятельности многих экспедиций интенсивно накапливался археологический материал по сарматской культуре, который в большинстве своем еще не вошел в научный оборот. Это негативно отражается на работе археологических и конкретно-исторических проблем сарматской культуры. Публикация материалов, включение их в разработку актуальных вопросов по истории и культуре сарматов одна из первоочередных задач.

Частичной реализацией этой задачи является проведенная нами работа по уточнению и коррекции археологической периодизации Азиатской Сарматии с учетом всего материала, происходящего с территории к востоку от Дона.

Создание четырехленной периодизации сарматской культуры, ставшей традиционной, было завершено работами Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова, вышедшими в 40-е годы. В основу этих работ был положен весьма ограниченный материал, представлявший в основном Поволжско-Уральский регион.

Открытие памятников сарматской культуры за пределами Нижнего Поволжья и Южного Приуралья расширило территорию ее распространения от Актюбинской области на востоке до Дуная на западе, от Камы на севере до Кавказа на юге. Упомянутая выше периодизация, претендующая на роль всеобщей для сарматской культуры, т.о., становится теперь периодизацией одного из ее районов. Иногда некоторые исследователи пытаются переносить поволжско-уральскую периодизацию без должного критического анализа на иные районы распространения сарматской культуры. Однако, как показывают специальные работы по хронологии сарматской культуры Нижнего Дона, Прикубанья, Северного Кавказа, такой автоматический перенос не корректен. Становится все более очевидным, что развитие сарматской культуры в различных районах носило свои специфические оттенки и хронологические рамки различных ее этапов не всегда совпадают в различных местах.

Даже для Поволжья и Южного Приуралья эта периодизация не может быть принята как общая. Развитие савромато-сармат-

ской культуры преимущественно ранних этапов: савроматского и раннесарматского, в том и другом районах отличались некоторыми особенностями; не совпадают и их хронологические рамки.

С окончанием формирования раннесарматской культуры наблюдается единство всей сарматской культуры в Заволжье и Южном Приуралье вплоть до ее конца. В междуречье Волги и Дона к югу от Волгограда развитие сарматской культуры отличалось некоторой спецификой. Здесь только со второй пол. 2 в. н.э. начинается интенсивное распространение ведущих черт позднесарматской культуры. Более длительное время на Нижнем Дону сохраняются традиции савроматской культуры. Анализ археологического материала, происходящего из Поволжско-Уральского региона, позволил нам пересмотреть даты раннесарматской и среднесарматской культур. Проверка на взаимовстречаемость типов основных категорий находок, сопоставление их с основными чертами погребального обряда, позволяют в междуречье Волги и Дона датировать сформировавшуюся раннесарматскую (прохоровскую) культуру 3-1 вв. до н.э., а среднесарматскую (суловскую) 1 – нач. 2 вв. н.э. или, вероятно, серединой 2 в. н.э.

Сейчас появляется все больше доводов в пользу мнения о том, что смета этапов развития сарматской культуры в тех или иных местах связана с этническими изменениями. Поволжско-Уральский регион не является исключением. Раннесарматская культура здесь, вероятнее всего, связана с аорсами на Нижнем Дону и верхними аорсами в Северном Прикаспии. Среднесарматская культура знаменует собой утверждение нового этнополитического объединения, во главе которого, скорее всего стояли аланы.

А.М.Ждановский

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДВИЖЕНИЯХ И КОНТАКТАХ В САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

(Прикубанье-Поволжье-Средняя Азия)

1. Со 2 в. до н.э. в степной полосе по обе стороны Кубани появились впускные погребения в катакомбах. В настоящее время их насчитывается более тридцати. Они характеризуются единообразием конструкции и погребального обряда. С 1 по нач. 3 в. н.э. на правобережье Кубани к востоку от Лабы

и устья последней сооружаются курганы т.н. «Золотого кладбища» с погребениями в катакомбах, аналогичных более ранним. Вопрос о происхождении подкурганых катакомб «Золотого кладбища» спорен, и рассматривать его надо учитывая материалы со 2 в. до н.э.

2. Так как большинство погребений было ограблено, для расчетов была взята конструкция катакомб, описанная по 13 признакам. Всего обработано 132 катакомбы из районов Северного Кавказа, Подонья, Поволжья-Приуралья. Был применен один из способов факторного анализа качественных признаков с помощью ЭВМ. Полученные данные, позволяющие говорить о генетической преемственности катакомб Прикубанья от сарматский Поволжья-Приуралья.

3. Важные факты дает антропология. Сейчас известно несколько пунктов, где зафиксированы черепа с искусственной деформацией, причем два из них происходят из катакомб «Золотого кладбища» и три из расположенного рядом грунтового могильника. Все погребения датируются не ранее 2 в. н.э. Не вызывает сомнений, что это обычай не местного происхождения. Известно, что искусственная деформация появляется ранее всего в Средней Азии у племен сако-массагетского круга. По А.С.Скрипкину со 2 в. н.э. она фиксируется у сармат Поволжья. Если это так, то наличие факта одновременного появления обычая деформации на Кубани и Волге.

4. Данные о передвижениях дает анализ бус. По И.И.Кондратьеву, большая часть бус происходит их мастерских Египта и Сирии. В двух комплексах №Золотого кладбища» весь набор бус иного происхождения – внутренние районы Ближнего Востока. Такие бусы преобладают у сармат Нижнего Подонья, куда, по мнению И.И.Кондратьева, попадали через Среднюю Азию, и на Кубань они проникали вместе с носителями.

5. Мы располагаем, т.о., рядом данных, позволяющих говорить о передвижениях каких-то групп поволжских сармат на Кубань со 2 в. до н.э. Контакты между населением этих территорий поддерживаются до нач. 3 в. н.э. Подтверждается это и культурной посудой, и некоторыми украшениями.

6. Есть факты, свидетельствующие о более далеких, среднеазиатских контактах и, возможно, даже передвижениях. Часть

их шла через Поволжье. В этой связи интересно заключение И.Г.Равич, проводившей металлографический анализ зеркала из погребения жрицы у хут.Песчаный, что сделано оно в одном из ближневосточных центров.

В материалах «Золотого кладбища» есть железные наколенники стрел, аналогии которым найдены только в Средней Азии. Вероятнее всего, это также связано с непосредственным передвижением носителей. С.А.Яценко, изучивший наборы золотых нашивных бляшек из катакомб у ст. Некрасовской, пришел к выводу об их происхождении из Центральной Азии и Южной Сибири.

7. Итак, в настоящее время мы располагаем целым комплексом фактов, свидетельствующих о тесных связях населения, прежде всего кочевого, на обширных пространствах евразийских степей от Прикубанья до Средней Азии. Это обстоятельство необходимо учитывать при исторических реконструкциях.

Б.Ф.Железчиков
СТЕПИ ЕВРАЗИИ И САВРОМАТО-САРМАТЫ НИЖНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ-ДОНА В 7-3 ВВ. ДО Н.Э.

При анализе этнографии раннего железного века степной полосы Евразии необходимо учитывать природно-географические условия обитания древних племен.

На востоку от Дона преобладает сухостепь различных типов, полупустыни и пустыни, на западе – разнотравно-злаковая степь. Различия между этими зонами настолько существенны, что можно утверждать, что в раннем железном веке в каждой из них должны были существовать разные типы скотоводческого хозяйства, что не могло не отразиться на этническом составе населения. В 4-3 вв. до н.э. западная граница савроматского мира проходила по Дону, а не по Северскому Донцу. Отдельные погребения савроматов 6-5 вв. до н.э. на правом берегу Дона не противоречат этому утверждению.

В 7-нач. 6 вв. до н.э. степи между Доном и Волгой, как и между Волгой и Уралом и далее на востоку представляются почти безлюдными. На этой территории известно всего около двадцати надежно датированных погребений данного времени. Письменные источники не противоречат этому и не отмечают

заселенность данной территории в 7-нач. 6 вв. до н.э.

С середины 6 и к нач. 5 вв. до н.э. в степях между Волгой и Доном количество савроматских погребений значительно возрастает. Думаю, что только эти памятники можно считать собственно савроматскими, т.к. именно к этому времени складывается характерный комплекс погребального обряда и инвентаря, который позволил Б.Н.Гракову и К.Ф.Смирнову и другим выделить Доно-Волжский вариант савроматской культуры.

Сложившаяся благоприятная природно-географическая обстановка в 5-3 в. до н.э. привела к постоянному передвижению части населения из Заволжья в степи между Доном и Волгой. Но в 5 – нач. 4 в. до н.э. эта территория скорее всего являлась зоной летовок, где осуществлялись контакты савроматов со скифами, племенами среднедонской культуры и, может быть, оседлым населением Северного Кавказа. Этим, скорее всего и можно объяснить некоторое своеобразие памятников Дона-Волги по сравнению с заволжскими, где располагались зимовки.

Постоянное савроматское население появляется на Дону и в степях Калмыкии в 4-3 вв. до н.э., когда начинается сильное давление прохоровских племен Южного Приуралья на заволжских савроматов, а на Дону и Северном Кавказе появляются античные города и поселения, которые не могла не привлекать степных кочевников.

В.Е.Максименко

О САВРОМАТСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЯЗАМАТОВ И ЯЗЫГОВ

Детальный разбор письменных источников, касающихся этнической принадлежности племен язаматов и их местопребывания в различные периоды истории, произвел И.С.Каменецкий. Подметив, что чем позднее источники, тем севернее его автор размещает язаматов, И.С.Каменецкий определенно высказался в пользу меотского происхождения этого племени, в противовес взглядам Е.Миннза, В.Ф.Гайдукевича, К.Ф.Смирнова и др., считающими язаматов (или языгов, по более поздним источникам) одним из сарматских племен.

Наше отношение к данному вопросу несколько иное, нежели у сторонников «меотской» или «сарматской» этнической

принадлежности язаматов-языгов.

Факт перемещения язаматов (иксибатов, иксоматов, яксаматов) от Синдики до низовьев Танаиса с 6 в. до н.э. по 1 в. н.э. не вызывает сомнений. Это нашло отражение в сообщениях Гекатея, Геродота, Эфора, псевдо-Скимна, Помпония Мелы и др. Однако, я не могу согласиться с И.С.Каменецким, использующем в данном случае термин «меоты», как этноним. Это название в большей степени собирательное (скорее географический термин) для разных по происхождению. Племен на территории от Синдики до Танаиса.

Нет оснований говорить и об исконной «сарматской» этнической основе язаматов-языгов, как это считают другие современные авторы. Псевдо-Скимн (3-2 вв. до н.э.) пишет: «На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, первыми живут сарматы, занимая пространство в 200 стадий. За ними по словам Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов».

Если признать савроматскую этническую основу язаматов, то это в большей степени будет соответствовать исторической традиции, в которой левобережные земли за Танаисом считались исконно савроматскими (Геродот, Эфор и др.).

К язаматам следует отнести памятники 4-3 вв. до н.э. в районе Донской дельты и в низовьях Дона на Левобережье. Если язаматов (иксоматов) античные авторы в 1-е вв. н.э. размещают на Танаисе в Азиатской части, то языгов – только в европейской.

Согласно античной традиции (Валерий Флакк, Страбон, Плиний, Тацит, Арриан, Аппиан, Птолемей, Дион Кассий и др.) можно предположить, что языги тоже одно из савроматских племен, продвинувшихся от Танаиса до Истра и обосновавшихся там в низовьях. Язаматы (иксоматы, яксаматы) это савроматы, оставшиеся на исконных землях, на левобережье Танаиса (Валерий Флакк, Помпоний Мела, Птолемей, Аппиан ?).

Видимо в языгах следует видеть отколовшуюся часть племен язаматов, продвинувшихся к Истру в общем потоке движения савромато-сарматских племен на запад. О том, что языги потомки савроматов, свидетельствуют сообщения Овидия, ко-

торый непосредственно сталкивался с ними.

В.Н.Каминский

САРМАТЫ В ВОСТОЧНОМ ЗАКУБАНЬЕ

1. В последние годы количество раскопанных сарматских памятников в восточном Закубанье резко возросло в результате интенсивных новостроечных работ. Накопился огромный историко-этнографический материал (свыше 350 погребений), который позволяет по-новому осветить проблему проникновения сарматов в указанный регион и периодизацию сарматской культуры в Закубанье. Можно выделить три пласта савромато-сарматских древностей восточного Закубанья.

2. Первый период (4-нач. 3 в. до н.э.) характеризуется проникновением в регион савроматского населения. Погребения совершены в узких ямах с западной ориентировкой и вытянутым положением костяков. В могилы помещали большое количество лепной посуды и жертвенную пищу в ногах погребенных. Украшения и оружие, преднамеренно испорченное, встречены в единичных погребениях. К предметам меотской культуры, являющимся продуктом обмена, относятся многочисленные кружальные кувшины, миски и бронзовое листовидное зеркало.

3. Второй период (вторая пол 3 – первая пол 1 вв. до н.э.). Погребения совершены в узких прямоугольных ямах и подбоях. Погребенные лежали в вытянутом положении с западной и южной ориентировкой, руки иногда на тазе, ноги изредка перекрещены, стопы вывернуты. Инвентарь представлен кувшинами, кружками, мисками, канфаровидными двух-и трехручными кубками, горшками, каменными и стеклянными бусами, втульчатými наконечниками стрел, наконечниками дротиков и копий, бронзовыми пластинчатыми зеркалами с боковой ручкой, мечами с серповидным навершием, кинжалом прохоровского типа. В некоторых погребениях встречены амулеты из предметов эпохи бронзы и скифского времени, а также гальки с угольками в небольших горшках. В этот период хорошо видно формирование синкретической культуры, сочетающей в себе местные меотские и пришлые сарматские элементы.

4. Третий период (вторая пол. 1 в. до н.э. - середина

3 в. н.э.). Погребения совершены в ямах и катакомбах прямоугольных в плане с входной ямой, расположенной по одной длинной оси с камерой или под небольшим углом к ней. Дно камер понижается от входного отверстия к задней стенке. Входные отверстия овальной или арочной формы. Ямы часто больших размеров, иногда близкие квадратным. Продолжают бытовать прямоугольные ямы. Погребенные лежали в вытянутом положении, на спине с неустойчивой ориентировкой. Инвентарь представлен бронзовыми зеркалами-подвесками, стеклянными и каменными бусами, бисером, лепными курильницами различных форм, кувшинами, мисками, ножами, патерами, стеклянными канфарами, фибулами, многочисленными бляшками, мечами, втульчатыми и черешковыми наконечниками стрел. Среди этих погребений существенное место занимают захоронения представителей знати и дружинников. Погребения в катакомбах имеют много аналогий с курганами «Золотого кладбища», Терезе и Учкекена, что позволяет объединить их в один круг памятников, оставленных одной этнокультурной группой.

Н.Ф.Шевченко

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ 4 – 3 ВВ. ДО Н.Э. ИЗ ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

В связи с быстрым накоплением материала, в последнее время наиболее остро встает вопрос о времени и характере проникновения сарматских племен на территорию Прикубанья. Значительный процент в могильниках к северу от р.Кубань составляют впускные захоронения второй пол. 1 тыс. до н.э.

Проведенная классификация дала возможность выделить памятники, относящиеся к разным хронологическим пластам.

Рассмотрим материалы самой ранней группы, позволяющие охарактеризовать период, связанный с появлением сарматов в Восточном Приазовье. Возможности хронологической привязки осложняются ограниченностью инвентаря и малым числом надежно датированных вещей, поэтому использованы материалы одиннадцати комплексов, датировка которых не вызывает сомнений.

Погребения совершены в подбоях или небольших удлиненно-прямоугольных ямах, в одном случае – в катакомбе. Погребенные лежат на спине, с вытянутыми ногами и плотно прижатыми

к туловищу руками. Преобладает западная ориентировка – 7, южная – 3, восток-юго-восток – 1.

Инвентарь представлен тремя ведущими категориями вещей: керамика, предметы украшения и туалета, оружие и связанные с ним вещи. Следует отметить подборку бронзовых зеркал с отогнутым бортиком. Интересна находка подвески из желтого глухого стекла в виде маски, датирующаяся 4-2 вв. до н.э.

Длинные мечи с изогнутым навершием и согнутым под тупым углом перекрестием, бронзовые наконечники стрел разных типов датируются в пределах 5-3 вв. до н.э. Большую группу составляют железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел. В одном комплексе бронзовые и железные наконечники встречены совместно. В керамике преобладают грубые лепные плоскодонные горшки, иногда с орнаментом в виде вертикально пролощенных полос.

Особенности погребального обряда, вещевой материал, позволяют связать открытые погребения с сарматами, датировать их концом 4 – первой пол 3 вв. до н.э. и отнести к самому раннему этапу продвижения сарматских племен в Восточное Приазовье.

Для решения вопроса о направлении и некоторых особенностях этого движения очень существенна находка трех железных мечей с изогнутым навершием и согнутым под тупым углом перекрестием. Ареал распространения оружия такого типа связан с сарматскими памятниками Приуралья. Не противоречит такой атрибуции и находка железного колчанного крючка с отверстием для подвешивания в центральной части, аналогичного раннепрохоровским в Южном Приуралье. Появление в Восточном Приазовье первой волны кочевников-сарматов совпадает по времени с началом распространения прохоровской культуры. Малочисленность ранних комплексов позволяет предположить, что движение носило характер постепенного проникновения небольших групп кочевников, не встретивших в этом регионе сопротивления. Мирный характер переселения был обусловлен отсутствием в первой половине 1 тыс. до н.э. в северокубанской степи стабильного населения. Возможно, что фактор незаселенности сыграл роль во время дальнейшего передвижения в Прикубанье сарматских племен, ставших известными грекам под общим названием – сираки.

Т.М.Арсеньева, Л.М.Казакова, С.А.Науменко
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АНТИЧНЫХ И ВРВАРСКИХ ТРАДИЦИЙ
ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ РАСКОПОК В ТАНАИСЕ

Танаис – один из античных городов, где наиболее ярко проявилось взаимодействие двух культур: античной цивилизации и культуры племен, обитавших в степях Нижнего Дона. За время многолетних раскопок города характер этого взаимодействия выявлен достаточно полно. Основные исследования в Танаисе в последние годы проводились на центральных VI и XIV раскопах, где выявлены новые комплексы 2-3 вв. н.э., а также значительные площади, занятые комплексами 4 – первой пол. 5 вв. н.э., последнего периода существования города. Наибольший интерес представляют выявленные элементы планировочной структуры города. В настоящее время расчищены новые меридиональные переулки и выяснены их конструктивные особенности. В 1986 г. проводилось дополнительное исследование широтной улицы, идущей от крепостной калитки. Ранее предполагалось, что эта улица пересекает город с запада на восток. Однако, в процессе расчистки 1986 г. выяснилось, что она прерывается, делая либо поворот, либо переходит, видимо, в площадь. Дальнейшие работы должны окончательно выяснить характер этого планировочного узла города. Были расчищены несколько подвалов и другие помещения различных усадеб. Анализ полученного материала подтверждает соблюдение жителями основных требований и принципов античного градостроительства и домостроительства при существовании достаточно примитивной строительной техники и своеобразных строительных растворов. Последние характерны для строительных приемов, выработанных не одним поколением местного населения.

Интересны открытые за последние годы новые комплексы последнего периода существования города – 4 – первой пол. 5 вв. н.э. В них хорошо прослеживается усиление влияния местных традиций в строительстве и планировке усадеб. Обширный вещевой материал, полученный при раскопках, также позволяет говорить об усилении в этот период элементов культуры местных племен. Особенно показательным в этом отношении является увеличение доли лепной керамики и появление ее новых форм.

На юго-западном углу городища продолжались исследования южной линии оборонительных укреплений. В 1986 г. здесь выявлена новая оборонительная стена, одна из первых, возведенных в Танаисе. По строительным приемам и технике она относится к сооружениям, выстроенным по правилам античной фортификации. К этому же периоду относится ряд жилых комплексов, сооруженных в строительной технике, характерной для здешних племен. При строительстве использованы глиноплетневые стены и перегородки. В таком массовом количестве на территории основного четырехугольника городища они зафиксированы впервые. Аналогичные сооружения характерны для Подазовского и Нижне-Гниловского городищ.

Таким образом, работы последних лет значительно дополнили материал о взаимосвязи античных традиций и традиций населения, обитавшего в регионе Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья в строительном деле и в керамике, прежде всего лепной, местного производства.

Е.И.Беспалый

КУРГАНЫ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э. ПОД АЗОВОМ

За последние шесть лет Приморским отрядом было раскопано 125 курганов на водоразделе рек Дон и Кагальник. 96 курганов были сооружены в скифо-сарматское время, причем подавляющее большинство приходится на первые вв. н.э. Семнадцать из них относятся к поминальным насыпям, содуржащим импортную амфорную керамику.

Для 1-2 вв характерны могильные ямы подквадратной и подпрямоугольной формы, лишь детские погребения совершались в подбойных могилах. Для этого времени нередки тайники, устраивавшиеся в самой могильной яме или рядом с ней в древнем погребенном слое. Все основные погребения ограблены.

С середины 2 в. н.э. наряду с квадратными могильными ямами резко возрастает число погребений в подбоях. Тайники в погребениях и на древнем горизонте исчезают, но появляется тенденция преднамеренного смещения центра кургана относительно могильной ямы, в результате чего ряд погребений, в том числе и богатые, сохранились нетронутыми. Ориантировка

погребений различна, но преобладает от С до В. Процент курганов 2-3 вв. в центральной части могильника несколько выше, чем на периферии. Изменения в погребальном обряде с середины 2 в. явно связаны с проникновением в Нижнее Подонье больших групп нового населения, хотя отдельные группы могли появиться здесь еще во второй половине 1 в.

Несомненный интерес представляет погребение в курганной группе «Дачи» в пригороде Азова. В насыпи найдены фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типа «В» (по Д.Б.Шелову). Могильная яма в плане квадратная, ориентирована стенками по сторонам света с незначительным отклонением. Выкид из ямы располагался двумя полукольцами. Погребение ограблено, в заполнении встречено несколько обломков костей взрослого человека, фрагменты железных втульчатых и черешковых трехлопастных наконечников стрел, фрагменты стеклянной чаши, мелкие обломки тонких пластин, фрагменты костяной цилиндрической пиксиды (?), обрывки нитей золотой парчи, золотой фольги, золотые дисконидные бляшки с приподнятыми петельками, полусферические бляшки и ромбические с загнутым краем, имеющие по паре отверстий для крепления. В глинистом выкиде к 3 от погребения был устроен тайник, в котором находилась сложенная в несколько раз парадная накидка на попону (?), расшитая золотыми бляшками восьми типов. Поверх накидки была уложена парадная упряжь лошади, парадный кинжал с золотой обкладкой ножен, на которой изображены сцены борьбы верблюдов с орлами, и массивный браслет, составленный из фигурок стоящих леней. Набор вещей в тайнике очень близок к известным находкам из Тилля-Тепе, но размеры и топография кургана не позволяют отнести его к арзяду «царских».

Анализ инвентаря позволяет выделить в общем среднеазиатском характере вещей античные традиции.

В.К.Гугуев, Ю.К.Гугуев

КАВКАЗСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ ИМПОРТ НА НИЖНЕМ ДОНУ ВО 2-Й ПОЛ. 3 – НАЧ. 5 ВВ. Н.Э.

1. В настоящее время на Нижнем Дону известно около 120 подкурганых сарматских захоронений 2-й пол. 3 – нач. 5 вв. н.э.

Большинство их содержит кружальную сероглиняную керамику. В докладе рассматриваются 97 сосудов из 54 доступных авторам комплексов. Черняховская лощеная посуда представлена единичными экземплярами. Остальная может быть поделена на 2 группы.

2. В первую входят 78 сосудов 21 типа. Для нее характерно грубое тесто с примесью крупных частиц черного минерала, слюды, кварца, известковыми включениями. Такая керамика изготовлена на подставке или медленно вращающемся круге, имеет толстые стенки и серую лощеную поверхность. Иногда лощение отсутствует. Наиболее распространены миски с загнутым бортиком и горшки с отогнутым наружу венчиком, украшенным ногтевыми вдавлениями.

3. Во вторую группу входят кружальные черно- и серокошеные сосуды. Лощение тщательное, до блеска, глина тонкая, с редкой примесью слюды или без видимых примесей. Учтено 16 сосудов второй группы. Они объединены в 12 типов: корчаги с расширяющимся горлом и ручками в виде кабана, горшки с ушками, кувшин с ручкой-сливом и др.

4. Обе группы имеют сходные черты: отпечатки доски и рельефные знаки на дне, орнаментация горизонтально пролощенными линиями и косой сеткой, ручки в виде барана, стилизованные зооморфные ручки. Во всех случаях ручки кувшинов и кружек крепились к тулову «штырьевым» способом.

5. Перечисленные морфологические технологические признаки характерны для раннеаланской керамической традиции. Некоторые типы сосудов (миски с загнутым бортиком, горшки с отогнутым венчиком и др.) имеют аналогии в синхронных и более ранних центральнокавказских могильниках. По-видимому, подавляющее большинство исследуемой керамики было произведено в мастерских Центрального Предкавказья и попало на Дон в качестве импорта. Такая ориентация связей донских сарматов объясняется, в первую очередь, гибелью местных керамических центров в середине 3 в. н.э.

6. На основании ряда признаков продукция кавказских керамических мастерских выделена в самостоятельную группу. В будущем это позволит детальнее исследовать контакты сарматской культуры с оседлыми племенами Дона, Кубани и Предкавказья.

НОВЫЕ НАХОДКИ РИМСКИХ ИМПОРТОВ В НИЖНЕМ ПОДОНЬЕ

1. За последние несколько лет количество римских импортных изделий, найденных в курганах Нижнего Подонья, удвоилось, чем подтверждается особая роль этого региона в контактах кочевого населения и античного мира. Среди найденных изделий италийского или провинциально-римского производства часть относится к известным по прошлым находкам типам. Это ковши «Гёдокер» и «Сисция», кованые кувшины, тазы типов Эггерс 97 и 100. Хорошо датированные, эти предметы позволили включить вновь открытые комплексы в ранее разработанную хронологическую схему погребений первых веков н.э.

2. Найденны и совершенно неизвестные не только в Причерноморье, но и на территории Италии и провинций типы посуды. К ним относятся серебряный кувшин из кургана 28 у Высочино. Отдельные детали его более или менее параллельны некоторым известным серебряным сосудам, но в целом этот кувшин не имеет аналогий. Похоже, что сосуд не римского производства; зооморфная ручка сближает его с сосудами, распространенными в первые века н.э. в Закавказье и Центральной Азии, сюжет фриза на тулове характерен для иранского мира.

3. Восточные параллели имеют и найденные в этом кургане серебряные канфары, хотя находка их попарно в одном комплексе сближает сосуды с наборами столового серебра из Боскореале и Каза дель Менандро в Италии.

4. Бронзовая патера из Сладковского могильника относится к известному типу «Миллинген», распространенному во второй пол. 1–3 вв. н.э. Однако, сюжет медальона на внутренней стороне дна сосуда ближе всего к сюжетам изображений на металлической посуде не италийского, а провинциально-римского восточно-средиземноморского производства.

Подобное сочетание можно отметить в найденной в Прикубанье патере со сценой терзания на медальоне и в серебряном канфаре из Островяны (Словакия) со сценой терзания оленя грифоном.

5. Новые находки римских импортных изделий в курганах Нижнего Подонья свидетельствуют о существовании в первые века н.э. устойчивых контактов населения Причерноморских степей с восточными провинциями Римской империи. Почти полное отсутствие на Дону предметов, относящихся к позднему латену (ступень А Эггерса), связано с более поздним, чем в Прикубанье, вовлечением региона в сферу римского влияния.

М.В.Власкин, Л.С.Илюков
КАНФАРЫ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ
ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ Р. САЛ

1. в 1982 году на левобережье р. Сал, близ х. Нового Мартыновского р-на Ростовской области был исследован сарматский могильник, содержащий разнообразный материал, свидетельствующий об обширных экономических связях варваров с ремесленными центрами античных городов. В четырех курганах открыты погребения с канфарами из стекла, серебра и глины.

2. Находки распределяются следующим образом: к. 12, п. 3 – два серебряных канфара, одинаковых по форме и размерам; к. 20, п. 2 – три стеклянных канфара, один из них крупнее двух других; к. 28, п.1 – краснолаковый канфар с орнаментом в технике барботин; к. 43, п. 1 – два серолощенных канфара. Из сопутствующего им инвентаря отметим бронзовую посуду, серебряный круглодонный кубок, краснолаковый кувшин с белой росписью.

3. Стеклянные и серебряные канфары по морфологическим признакам близки между собой. К ним примыкает краснолаковый канфар. Для этих сосудов характерны прямые стенки, низкий кольцевой поддон, верхние пластины ручек украшены стилизованными лебедиными головками. Различные образцы импортной металлической посуды, поступавшей в Восточную Европу, выполнены в том же стиле. Ярким признаком этого стиля было украшение ручек реалистическими или схематическими лебедиными головками. Серебряные канфары могильника «Новый» аналогичны канфарам кургана «Хохлач», Жутовского кург. 28, «Соколовой могилы». Стеклянные канфары из могильника «Новый» аналогичны канфарам из Прикубанья (Тбилисская, Воздвиженская, Зубовский хут.), для которых предполагается малоазийское происхождение (И.И.Гущина). Краснолаковые канфары, украшенные

орнаментом в технике барботин, являются продукцией пергамских гончаров (Т.Н.Книпович, Т.М.Арсеньева). Они найдены в некрополях Танаиса, Кобякова городища. Что же касается серолощенных канфаров, то их истоки, по-видимому, следует искать в Прикубанье. Судя по аналогиям, ассортимент импортной посуды из сальских степей можно датировать рубежом н.э. – 1 в. н.э.

4. В среде сарматских кочевников канфары являлись престижной посудой (в рядовых сарматских погребениях нет даже сероглиняных канфаров). В нижнедонских среднесарматских курганах можно выделить несколько разновидностей столовых сервизов. Часто в их состав входили два канфара, которые сопровождались либо еще одним, большим канфаром, либо круглодонным кубком.

М.Б.Щукин
УМБОН ШИТА ИЗ КУРГАНА «САДОВЫЙ»
(к вопросу о сармато-германских контактах)

1. Высокий конический умбон был обнаружен при расчистке грабительского хода на краю могильной ямы. Около него в семле сохранялись во фрагментах тонкие прослойки красочного слоя – черно-красные спирали. Близкий по форме умбон присходит из кургана 28 Высочинской группы. Обе находки столь редкого для сарматов оружия опубликованы, но исторической интерпретации до сих пор не получили.

2. Аналогичные умбоны хорошо известны в Центральной Европе. Это так называемые «стожковатые» умбоны типа 4с («Садовый») и типа 5 (Высочино) по М.Яну. Оба характерны для ступени V₁ римского времени. Тип 4с, сравнительно редкий, характеризует больше фазу V_{1a}, а тип 5 – фазу V_{1b}. Впрочем, оба типа существуют на протяжении всей ступени V₁, постепенно вытесняясь на поздней фазе V_{1c} типом 6 с выделенным острием.

3. Названные типы хорошо представлены в древностях ранне-римского времени пшеворской культуры Польши, в Чехословакии и в междуречье Одера-Эльбы вплоть до Балтики, что совпадает с границами так называемой «державы Марабода».

4. В 6 г. н.э. римляне попытались захватить домен Маро-

бода на территории Чехии, но вспыхнувшее в Иллирии и Паннонии восстание заставило остановить наступление. С Марободом был заключен мир на очень выгодных для последнего условиях. В Центральную Европу хлынула волна римских импортов. Эти события и являются исторической датой начала ступени В₁.

5. Проримская политика Маробода вызвала недовольство других племен, союз распался, дошло до военного конфликта с вождем херусков Арминием, героем Тевтобурга. В 19 г. Маробод был разбит по наущению римлян готонами Катуальды, а последний, в свою очередь, – гермундурами. Из остатков дружин Маробода и Катуальды и племена квадов римляне создали новое «буферное государство» Ванния в районе Братиславы. Эти события 19-20 гг. являются исторической датой рубежа фаз В_{1a} и В_{1b}.

6. В 50 г. Ванний подвергся нападению своих северных соседей гермундуров со средней Эльбы и лугиев, носителей пшеворской культуры. В борьбе с ними он использовал конницу сарматов-языгов, но был разбит. Серединой 1 в. н.э. датируются и самые ранние сарматские памятники Венгрии. События 50 г. знаменуют наступление фазы В_{1c}. Все археологические даты, впрочем, демонстрируют некоторое запаздывание по отношению к историческим на 10-15 лет. Закончилась ступень В₁ в 70-х гг. с наступлением эпохи Флавиев.

7. В течение первой пол. 1 в. н.э. наблюдается проникновение носителей пшеворской культуры в Верхнее Поднестровье. К середине 1 в. здесь формируется особая смешанная пшеворско-дакийская Звенигородская группа, хотя памятники ее зачастую включают или в пшеворскую, или в липицкую культуру. В погребениях Звенигородской группы встречены умбоны 5 типа по М.Яну (Звенигород, Болотное, Перепельники) и некоторые сарматские элементы (меч с кольцевым навершием, зеркала, румяна). Местоположение Звенигородской группы хорошо соответствует свидетельствам Плиния о размещении бастарнов, и Тацита, писавшего, что бастарны «обезображены браками с сарматками».

8. Сарматские памятники зафиксированы в Верхнем Поднестровье, а также в Среднем Поднестровье и Северной Молдавии с рубежа н.э. (Островец). Их, вероятно, можно связать с языгами, свидетельства о нападениях которых имеются у Овидия.

9. В середине 1 в. н.э. наблюдается массовое передвиже-

ние сарматских племен на запад. Кроме появления сарматов на территории Венгрии и Словакии, оно фиксируется еще рядом обстоятельств: резким увеличением числа сарматских памятников в Молдавии, вторжением в Среднее Поднепровье и разрушением ими городищ зарубинецкой культуры, образованием в междуречье Прута и Днестра царства Фарзоя, чеканившего свои монеты в Ольвии, а также сопоставлением этнокарт Страбона и Плиния. Последнее фиксирует смещение на запад языгов, роксолан, аорсов-амаксобиев, алан и сираков где-то между 18 и 79 гг. На поздних памятниках этой волны появляются и вещи бирюзово-золотого стиля (Запорожье, Пороги, Рошава Драгана). Одним из звеньев названной цепи событий был, вероятно, и сирако-аорский конфликт 49 г.

10. Во время событий 49 – 70 гг. и могли попасть к сарматским вождям германские щиты со «стожковатыми» умбонами, то ли как трофеи, то ли как дары соратников. Сармато-германские контакты фиксируются не только умбонами. О тех же контактах свидетельствуют и появившиеся в Сарматии восьмерковидные «маркоманские» пряжки и пряжки на могильнике гермундуров Кляйн-Цербст и некоторые формы браслетов пшеворской и вельбарской культур, ранее для германцев не характерные.

С.А.Яценко

ГРЕКО-РИМСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА КОСТЮМ САРМАТО-АЛАН

1. Высказанное ранее (Яценко 1984) утверждение о том, что иноземное влияние не отражено в костюме сармато-алан вплоть до раннего средневековья, с рядом оговорок справедливо лишь для среднесарматского времени, т.к. в этот период не фиксируется заимствование предметов костюма, их элементов, декоративных принципов.

Распространение тканей и цветного бисера античного производства заметно изменили облик костюма. Однако ткани подбирались в соответствии с вкусами сарматов. Размещение парчи на подоле аналогично размещению бисерно-бляшечных обшивок.

В единичных случаях в близких античным центрам районах (Крым) в костюме знатных сарматов и скифянок 1 – нач. 2 вв. н.э. использовались начельные украшения целиком античного

производства (Ногайчикский курган) или составленные из набора мелких импортных нашивных украшений и подвесок с античными сюжетами. Но для диадем сарматских служительниц культа подобные заимствования, видимо, не допускались.

2. Со II в. н.э. у сарматских племен широко распространяется женская плечевая одежда, верх которой скалывался на плечах двумя фибулами. Сходные между собой по облику женские одежды такого типа хорошо известны и широко распространены на варварской периферии на востоке вплоть до Поволжья.

3. Одеждой того же типа является греческий хитон. Однако известно, что греческая одежда не оказала заметного влияния на костюм кочевников, в то время как влияние в противоположном направлении неоспоримо (Яценко, 1984). Подобное новшество, видимо, можно связать с влиянием провинциально-римской культуры на районы, прилегающие к восточным границам империи. К сарматам этот прецедент костюма мог попасть при посредничестве родственных племен, вторгшихся в I в.н.э. на Балканы.

Не исключается, что это предметы импорта, обычные для кочевых этносов - хунну, сарматов, хазар, половцев. Во всех случаях костюм отмечен как главный предмет импорта. Но достоверность такого объяснения невелика ввиду широкого распространения данного предмета плечевой одежды в рядовых погребениях,

4. В позднесарматское время и у мужчин появляются предметы костюма, украшенные парчовой вышивкой. Так, в одном из комплексов III – IV вв. до н.э., на Нижнем Дону кайма золотой парчи шириной около 5 см шла, видимо, по краю подола короткого "кафтана" (Высочино VII, кург. 12, погр. 1 – Чалый В.В., 1981 г.). Вероятно, однако, что это проявление уже восточного влияния.

В.Ю.Малашев

САРМАТЫ НА КОЛОННЕ ТРАЯНА

На колонне Траяна в Риме, посвященной триумфу над Дакией, имеются изображения катафрактариев в сюжетных сценах, а также элементы их вооружения в трофеях. На рельефах изображены всадники в чешуйчатом доспехе, обтягивающем тело от шеи до ног. Аналогичные чешуйчатые рубахи и реберчатые шлемы есть в

трофеях. Детали не проработаны, подробности устройства доспеха не ясны, и изображения очень схематичны, несмотря на высокохудожественное исполнение.

Письменные источники отражают активность сарматских племен на границах империи в Нижнем Подунавье в I в. н.э., хотя в них отсутствуют прямые упоминания участия сарматов в дакийских войнах (Страбон, Даон Кассий, Овидий, Тацит, Светоний). В письме к Траяну Плиния Младшего содержится намек на вторжение сарматов в Мёзию во время первой войны (X, 74).

Решая вопрос о локализации Никополя, основанного Траяном, К.Цихориус, используя сведения Аммиана Марцеллина и Йордана, приходит к выводу о совместном вторжении даков и сарматов в Мёзию зимой 101–102 гг. н.э., и считает, что именно это событие изображено на рельефах. Эта точка зрения разделяется и другими исследователями (В.Гауэр).

Изображенных на колонне катафрактариев связывают с сарматами Д.Бекатти, К.Пач, Митру, М.И.Ростовцев, И.Т.Кругликова, А.М.Хазанов. Ф.Флореску считает их даками, строя свой анализ на отсутствии описанных Тацитом предметов наступательного вооружения на сюжетных сценах, же заметив, что характерное для сарматов наступательное вооружение есть в трофеях. В.Фрэнер, Г.А.Пугаченкова, а вслед за ними В.П.Никаноров называют изображенных всадников парфянами. Но парфяне не имели к дакийским войнам прямого отношения, а их путешествие в Дакию представляется просто маловероятным.

В памятниках Северного Причерноморья и парфянских есть изображения чешуйчатого доспеха и реберчатых шлемов конической и яйцевидной формы. Имеются их археологические реалии. Известны изображения и археологические реалии чешуйчатых штанов; терракота I в. до н.э. из Британского музея, скифское погребение IV в. до н.э. у с. Красный Подол (С.В.Полин, реконструкция М.В.Горелика), погребение конца I в. н.э. в Чаталке (Х.Буюклиев).

Связываемое с сарматским наступательное вооружение – длинные прямые мечи и луки, по форме и размерам близкие к "скифским", - изображены как на рельефе с сюжетной сценой, так и на рельефах с трофеями. Ножны двух мечей с округлым расширением в нижней части находят аналогии в памятниках изобрази-

тельного искусства и в савроматских и сарматских погребениях. Скобу в верхней части ножен – приспособление для ношения меча на портупейном ремне, изображенное на колонне, – отмечали у сарматов В.Гинтерс и А.М.Хазанов.

Чешуйчатый доспех коней полностью облегает тело, защищает от головы до копыт. А.М.Хазанов сделал вывод о том, что у сарматов конский доспех был менее распространен, чем в Иране из-за специфики кочевнической жизни. Но нет оснований считать его вовсе нехарактерным: есть изображение доспеха коня на надгробии Афения, находки фрагментов и целых панцирей в погребениях. Возможно, у западных сарматов он встречался чаще, вследствие постоянного военного контакта с Римом и более высоких требований к оснащенности войска.

Неточности и упрощения в изображении доспеха коня и всадника, возможно, связаны с отсутствием личных впечатлений у автора рельефов. Скорее всего, он находился при Траяне, а о событиях в Мёзии знал из рассказов и видел часть вооружения кочевников в трофеях.

Вторжение сарматов в Мёзию было лишь эпизодом первой войны с даками. Союзничество сарматов и даков было основано на заинтересованности первых в результатах грабительского набега, и неудачный исход его приостановил их дальнейшее участие в войнах. Последующие события развивались в глубине Дакии и перспектива столкновения с регулярной римской армией была нежелательна для кочевников.

Возможно, с этим связано отсутствие прямых упоминаний письменных источников об участии сарматов, а также отсутствие их изображений на рельефах, воплощающих события конца первой и всей второй войны с даками.

А.В.Симоненко

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОЛЬВИИ И САРМАТОВ В I В. Н.Э.

В свое время в разных местах Северного Причерноморья были найдены золотые и серебряные монеты с именем царей Фарзоя и Инисмея (Иненсимея), чеканенные в Ольвии во второй половине I в. н.э. Традиционно эти лица считались позднескифскими царями, установившими свою власть над полисом

(Д.С. Раевский). Иных взглядов придерживаются П.О. Карышковский и М.Б.Щукин. Они полагают, что Фарзой и Инисмей были сарматскими властителями. Одним из основных аргументов сторонников сарматской принадлежности названных царей является наличие на их монетах тамгообразных знаков. Тамга Фарзоя состоит из вертикальной линии, на обоих концах которой помещены волюты. Тамга Инисмея практически такая же, но вертикальная линия посередине разорвана кольцом.

Тамги схемы Фарзоя, но с несколько измененной верхней частью, имеются на некоторых предметах из сарматских могил (серебряное блюдо и «фалар» из Воронежской области и Молдавии) и найденных случайно (туалетный флакон из Ольвии, браслет с Бугского лимана). Тамги схемы Инисмея найдены в Пантикапее, Ольвии, в сарматском погребении на Среднем Поднепровье и на сарматском мече из фракийского погребения в кургане Рошава Драгана. В 1984 г. на Днестре в кургане у с. Пороги были найдены впускные сарматские погребения (раскопки Б.И.Лобая). На двух богато украшенных поясах из мужского погребения, серебряном кубке, ножнах парадного меча и гривне нанесены тамги Инисмея. На первых трех предметах они полностью тождественны монетным и одной из тамг на мече из Рошава Драгана. Остальные – с несколько измененной верхней частью. Аналогии им имеются в Среднем Поднепровье и в Рошава Драгана.

Тамги из Порогов нанесены на вещах, которые у иранцев считались священными и носили сакрально-инвеститурный характер. Исполнение из золота и серебра подчеркивает их неординарность и торжественность. Измененная (по отношению к монетным) верхняя часть некоторых тамг Фарзоя и Инисмея говорит о том, что перед нами сложные знаки с постоянной нижней частью (родовой) и изменяющейся верхней (именной). Возможно, они передают несколько имен одного и того же властителя. Все перечисленные тамги семантически связаны и являются родовыми знаками Фарзоя и Инисмея, что документально подтверждается ольвийскими монетами. Судя по их датировке, Фарзой был непосредственным предшественником Инисмея. Отличие тамги первого состоит в отсутствии кольца. Примечательно, что формирование тамг боспорских царей Савромата II и Рескупорида III происходит аналогичным образом – в тамгу отца добавляется

кольцо и несколько изменяется верхняя часть. Это обстоятельство дало возможность предположить, что Инисмей был не только непосредственным преемником Фарзоя, но и его сыном. В таком случае, это первое свидетельство существования у сарматов наследственной власти. Чеканка в Ольвии монет сарматских предводителей не обязательно должна рассматриваться как свидетельство установления ими власти над городом. На всех монетах кроме надписи «басилевс» имеются монограммы архонтов, но в одном источнике этого времени нет упоминания о подчинении полиса сарматам. Наконец, имеются примеры чеканки монет варварских царей в полисах, которые никогда не были подчинены им. Скорее всего, эта практика имела экономическую основу, и, хотя политические моменты несомненны, они не обязательно заключаются лишь в прямом подчинении полиса варварам.

В середине 1 в. н.э. в Буго-Днестровском междуречье и придунайских степях появляется сильная и многочисленная сарматская орда, что фиксируется резким увеличением количества погребений. Возможно, что ею руководил Фарзой. Ряд наблюдений над памятниками позволяет отождествить это население с аорсами, которых именно в это время отмечает здесь Плиний Старший. Представляется вероятной взаимосвязь участия аорсов в римско-боспорском конфликте и их появления в степях к северу от дунайских границ империи. Наличие на римской границе сильного и враждебного Риму варварского объединения было на руку антиримски настроенным кругам ольвиополитов. Вероятно, взаимоотношения с сарматами Фарзоя и Инисмея не стоит рассматривать однозначно – лишь как подчинение полиса варварам. Не исключено, что имела место коалиция при номинальном приоритете сарматов.

И.С.Каменецкий

АНТИЧНЫЕ ВЛИЯНИЯ НА КЕРАМИКУ ДОНСКИХ МЕОТОВ

1. Раскопками на Нижне-Гниловском (1954, 1955, 1962–1964 гг.) и Подазовском (1962–1964, 1967, 1970, 1971 гг.) городищах был получен обильный и хорошо документированный материал, в том числе представительная коллекция меотской серолощенной керамики.

2. Античное влияние наиболее ярко проявляется в существовании ряда форм, имеющих прямые аналогии в греческой краснолаковой и кружалной керамике. Можно различать прямые заимствования, т.е. подражания образцам, синхронным изучаемой керамике, и формы, возникшие под греческим влиянием в предшествующий период, в той или иной степени переработанные, и в рассматриваемое время выступающие для потребителей уже как своя традиционная посуда.

3. К первой группе я отношу миски с закругленным краем 2-го варианта (тип СЛ–М II–2 по классификации автора), миски с низким бортиком (тип СЛ–М IV), миски со скошенным краем (тип СЛ–М V) и тарелки с высоким бортиком (тип СЛ–М VI).

4. Ко второй группе отнесены 4-й вариант мисок с вертикальным гладким бортиком (тип СЛ–М I–4) и пифосы (тип СЛ–XXIII). Менее очевидна зависимость от античных образцов 1-го варианта мисок с закругленным краем (тип СЛ–М II–1) и вариантов 18 и 33 с вертикальным бортиком (типы СЛ–М I–18 и СЛ–М I–33). Очень вероятно влияние греческого образа жизни на появление сосудов для питья вина, в частности различных вариантов вазочек на ножках (тип СЛ–X).

5. Кроме целых форм заимствуется также ряд деталей. Это варианты 22 и 29 венчиков кувшинов (тип венчика СЛ–XXVI–22 и СЛ–XXVI–29), восходящие к синхронным краснолаковым образцам, и, особенно, разнообразные варианты кольцевых поддонов. Не исключено, что и такое специфическое явление, как скрытый поддон также восходит к античной традиции, является ее переработкой.

6. В области технологии я связываю с античным влиянием обработку поверхности лощением на круге и появление сосудов без лощения. Им противостоит меотская традиция ручного лощения, представленная различными вариантами. На ряде сосудов сочетаются оба способа обработки поверхности, что можно рассматривать как свидетельство слияния традиций или как переходную группу.

7. Исследование распространения указанных форм и приемов обработки поверхности по слоям городищ убедительно показывает, что античное влияние было особенно сильным в конце 1 в. до н.э. и в 1 в. н.э., т.е. в первый период существования

городищ, а в последующее время оно слабеет. При этом особенно заметно прекращение производства ряда подражательных форм и замена лощения на круге лощением от руки. В целом керамическое производство донских меотв становится более независимым, изживая влияние античной традиции.

Ю.М.Десятчиков

ГУННЫ И АЛАНЫ-ТАНАИТЫ

1. С момента вторжения гуннов на территорию Восточной Европы принято считать начало эпохи Великого переселения народов. Основной ударной силой гуннского нашествия, видимо, были кочевники Приуралья и Нижнего Поволжья, вошедшие в состав гуннского племенного союза 1-й пол. – середины 4 в. н.э.

2. Сопоставление данных античных нарративных источников приводит нас к выводу о довольно длительном периоде алано-гуннской войны на Северном Кавказе. Часть алан Северного Кавказа отступила к Танаису, где сидели так называемые аланы-танаиты.

3. Изнуренные боями на Северном Кавказе, гунны вынуждены пойти на союз с аланами-танаитами, ибо только с их помощью они могли сокрушить готскую империю Германариха.

4. Анализ материалов Ильичевского городища (Таманский полуостров) и других памятников на территории Боспорского царства позволяет прийти к выводу, что многочисленные пожары, фиксированные в этих местах, связаны не с гуннским вторжением, а с нашествием 576 г. тюркютов Турксанфа.

5. Из анализа археологического материала и сообщений античных источников можно сделать вывод, что гунны одновременно с заключением союза с аланами-танаитами заключили союз с Боспором. Боспорианцы пропустили гуннов в Крым, и те вышли неожиданно на Нижний Днепр, где находилась ставка Германариха. Другая часть гуннов вместе с аланами-танаитами перешла Танаис и завершила разгром готской империи.

6. Этимологический разбор этнонима «ант» приводит нас к выводу, что под этим именем стали известны античным авторам аланы-танаиты, сыгравшие большую историческую роль в жизни народов Восточной Европы.

Н.П.Писаревский

ИСТОРИЯ РАННИХ СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ ПРИАЗОВЬЯ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ АРХЕОЛОГОВ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ СЕРЕДИНЫ 20-Х – ПЕРВОЙ ПОЛ. 30-Х ГГ.

(из истории идей)

Важнейшим следствием перестройки исследований в советской археологии с середины 20-х гг. стала тенденция к поиску исторических закономерностей в развитии обществ с производящей экономикой. Порожденная как необходимостью обобщения результатов типологического анализа массовых материалов из памятников эпохи бронзы и раннего железного века, так и его новыми установками, она нашла отображение при обосновании первых марксистских периодизаций истории ранних скотоводческих племен степи и лесостепи Евразии.

Наиболее стройная концепция генезиса хозяйственных форм в Приазовье, аккумулировавшая в себе совокупность новаторских идей и практики, бала предложена Б.В.Луниным и М.А.Миллером, сумевшими на материалах памятников Северного Кавказа дать оригинальную трактовку истории пастушеских и кочевнических обществ.

Источниковая база изучения бронзового и раннего железного веков Приазовья была намечена дореволюционными раскопками, но ее окончательному оформлению способствовала быстрая генерация идей как в области методики полевых работ, так и в камеральных исследованиях и типологизации культур.

Согласно концепции Лунина/Миллера, возникновение скотоводства в этом районе относится к эпохе энеолита. В его развитии исследователи видели три периода: 1) до середины 4 тыс. до н.э., когда преимущественное разведение крупного рогатого скота комбинировалось с собирательством и рыболовством; 2) вторая пол. 4 тыс. до н.э. – конец 1 тыс. до н.э., когда скотоводство превращается в специализированную форму пастушеского хозяйства населения приречных долин в зависимости от состава стада и удельного веса медного и бронзолитейного производства и металлообработки; 3) начало 1 тыс. до н.э., когда на степном плато намечился переход к кочевому скотоводству. Причины кочевничества авторы объясняли тенденцией увеличения

в стадах мелкого рогатого скота, развитием полуоседлых форм пастушеского хозяйства в предскифский период в связи с наступлением лесостепи на юг и развитием злакового покрова в степной полосе. Материальные проявления кочевничества исследователи видели в распространении пойменных стоянок и курганных погребений на значительном удалении от реки, в огрублении керамических форм, преобладании костных останков лошади на поселениях. Общественные отношения у ранних скотоводческих племен Приазовья связывались с различными этапами родового общества.

Несмотря на ряд ошибочных суждений (о переходе к кочевничеству как первом крупном разделении труда, о развитии хозяйственных форм как о генетическом, автохтонном процессе и др.) в концепции Лунина/Миллера были предложены перспективные идеи о различиях в сочетаемости скотоводства с другими видами хозяйственной деятельности, воздействии ремесла на тип скотоводческого хозяйства, значении типо-хронологической классификации для социологической периодизации истории ранних скотоводческих обществ.

И.Н.Парусимов

ЕЩЕ РАЗ ОБ «ОБОЛЕ ХАРОНА»

Приморский отряд Азовского краеведческого музея, проводя раскопки в Октябрьском районе Ростовской области, обнаружил в кургане с каменным панцирем не ограбленное погребение 14 в. Из инвентаря можно выделить находку двух серебряных золотоордынских монет.

Найденная у правого плеча в кожаном кошельке монета хорошей сохранности принадлежит хану Абдуллаху. Чеканена в г. Азаке в 769 г.х. (1368–69 гг.). Другая, обнаруженная в области грудины, затерта и разрублена на мелкие кусочки. Это уже не первый случай находки золотоордынских монет на территории Ростовской области в погребениях, где они, видимо, выполняли функции «обола мертвых».

Обычай класть монету в погребение известен из древнегреческой мифологии. С развитием греческих городов обычай «обола мертвых» получил широкое распространение, однако и для самих греков на периферии, видимо, не был обязателен,

т.к. не все погребения выполнены с соблюдением ритуала. Как показывает накопленный археологический материал, древний обычай дошел и до нашего времени. В различные эпохи этот обычай подвергался многим интерпретациям: монета могла являться средством для покупки пищи или для пользования какими-либо благами во время заграничного путешествия, а также использоваться для приобретения места на том свете. С изменением характера идеологии в погребениях появляются монеты из благородных металлов; так в погребениях хазарского времени находят серебряные куфические дирхемы и золотые византийские солиды.

С изменением представлений о загробном мире и функции монет, меняется местоположение монеты в погребении. Монету можно встретить в кошельке или за поясом, в руке, в области черепа и в других частях захоронения. Интересно средневековое погребение, обнаруженное в 1986 году в дельте Дона, в котором, согласно греческому обряду, «обол мертвых» находился во рту покойника, но вместо монеты использован кусочек золотого листа.

В золотоордынское время обычай класть медные и серебряные монеты характерен для так называемых «татарских» курганов, а также для городских погребений в Золотой Орде. Видимо, отсюда, из Нижнего Поволжья, он проник на золотоордынскую периферию.

В новое время этот обряд фиксировался в 30-х годах в Мясниковском районе Ростовской области и соблюдается поныне. Монета или монеты (использовались только белые – «серебро») клалась в гроб или под обивку гроба. Смысл помещения монет в захоронение совершенно забыт.

Монеты в погребениях различных времен являются, т.о., ценным источником не только для архелологов и нумизматов, но и для этнографов, поскольку позволяют проследить на протяжении веков изменение древнейшего обряда.

Ю.Д.Балащенко

СЛЕДОВАНИЕ МИССИИ ХОСРОВ МИРЗЫ ЧЕРЕЗ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И ЗЕМЛИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Посольство Хосров Мирзы было послано в Россию в 1829 г. с целью предотвратить военный конфликт между Ираном и Россией после разгрома русской миссии в Тегеране и убийства полномочного министра А.С.Грибоедова. Отправлению посольства предшествовала довольно длительная переписка между правительствами двух стран. Иран и Россия не были заинтересованы в возобновлении военных действий.

Во главе посольства в Россию был направлен Хосров Мирза – седьмой сын наследника Иранского престола Аббас Мирзы.

Пребывание посольства Хосров Мирзы в России описано в дневнике миссии «Рузнаме-йе сафар-е Петербург» (Дневник путешествия в Петербург). Автором дневника является Мирза Мустафа Афшар, секретарь одного из высших сановников посольства – Мирзы Мас'уда.

Так как искупительная миссия Хосров Мирзы сыграла значительную роль в становлении более стабильных отношений между Ираном и Россией, то представляется важным подробнее остановиться на отдельных моментах пребывания миссии в России, в частности, на следовании посольства через Северный Кавказ и земли Донских казаков. Посольство из Ирана двигалось по маршруту: Тебриз, Нахичевань, Ереван, Тифлис, Владикавказ, Ставрополь, Новочеркасск, Воронеж, Тула, Москва, Петербург.

Дорога от Тифлиса до Новочеркаска заняла чуть меньше месяца. На всем пути следования посольство сопровождал генерал П.Я.Ренненкампф. От Владикавказа до станицы Екатериноградской посольство Хосров Мирзы сопровождал армейский эскорт, состоявший из конных казаков и пехоты. Этот участок дороги был небезопасен из-за частых нападений горцев. На всем пути следования персов торжественно встречали представители военной и гражданской администрации.

Иранское посольство сделало довольно длительную остановку в Георгиевске. Хосров Мирза побывал на целебных источниках, расположенных в его окрестностях. Описывая город, ав-

тор дневника сравнивает то, что он увидел, с тем, что было семь лет назад, когда Георгиевск посетил по дороге в Англию один из сановников Хосров Мирзы.

Проехав Ставрополь и осмотрев тамошние достопримечательности, посольство Хосров Мирзы переправилось через Дон в районе селения Аксай. Автор дневника отмечает важную роль Дона в экономической жизни края. Он пишет о количестве населенных пунктов по берегам реки, указывая, что всего на землях Войска Донского проживает 2 курура (1 млн) казаков.

В дневнике описан торжественный въезд Хосров Мирзы и его свиты в Новочеркасск, «резиденцию главы Донских казаков». В дневнике подробно описываются встреча и приветствие посольства наказным атаманом Войска Донского генерал-лейтенантом Кутейниковым. Мирза Афшар особо отметил хорошее впечатление, которое произвел на персов Новочеркасск: чистота и ухоженность, прямые мощные улицы, застроенные красивыми домами, много зелени, хорошее освещение по ночам.

Хосров Мирза посетил в Новочеркасске: архив, гимназию, канцелярию, центральный собор края. Автор дневника отметил высокий культурный уровень населения.

<i>Трейстер М.Ю.</i> Этрусский импорт в Северном Причерноморье и пути его проникновения.....	3
<i>Бурков С.Б., Мирзоянц А.А.</i> О проникновении и распространении амулетов из египетского фаянса на территории Предкавказья.....	5
<i>Лукьяшко С.И.</i> Начало и характер ранних греко-варварских торговых связей на Нижнем Дону.....	7
<i>Марченко К.К.</i> Боспорские колонии в дельте Дона.....	8
<i>Горнчаровский В.А.</i> К вопросу о времени существования Боспорского эмпория в дельте Дона (по нумизматическим данным).....	10
<i>Житников В.Г.</i> Политическая и демографическая ситуация конца 6 – нач. 5 вв. до н.э. на Нижнем Дону и возникновение Елизаветовского поселения.....	11
<i>Копылов В.П.</i> О времени прекращения существования варварского торгового центра в дельте Дона в свете боспороскифских отношений конца 4 – нач. 3 вв. до н.э.....	13
<i>Вахтина М.Ю.</i> Золотая подвеска с изображением Афродиты из раскопок Елизаветовского городища.....	15
<i>Шауб И.Ю.</i> К вопросу о культе отрубленной человеческой головы у варваров Северного Причерноморья и Приазовья.....	16
<i>Балонов Ф.Р.</i> Основания к исследованию ритуала жертвоприношений в Подонье и Прикубанье 4 в. до н.э. – 1 в. н.э.....	17
<i>Чернопицкий М.П.</i> К вопросу о взаимодействии степных и античных традиций в сфере курганной обрядности.....	19
<i>Крайсветный М.И.</i> Защитный доспех из Грушевского могильника.....	20
<i>Переводчикова Е.В.</i> Об античном влиянии на скифский звериный стиль (по материалам Прикубанья).....	22
<i>Вольная Г.Н.</i> Новые находки предметов звериного стиля скифской эпохи в контексте Причерноморско-Северокавказских связей.....	24
<i>Василиненко Д.Э.</i> К вопросу о связях погребений келермесского времени степного Предкавказья с погребениями группы Новочеркасского клад.....	25

<i>И.Н.Анфимов.</i> Меотские поселения правобережья нижнего течения р. Кубань.....	26
<i>Н.В.Анфимов.</i> Елизаветинское городище как центр торговли Боспора с меотскими племенами Прикубанья.....	28
<i>Аптекарев А.З.</i> К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй пол 4 – первой пол. 3 вв. до н.э.....	29
<i>Прохорова Т.А.</i> Беглицкий некрополь (предварительные итоги).....	30
<i>Виноградов В.Б.</i> Подонско-Предкавказская Савроматия (некоторые задачи комплексного изучения).....	31
<i>Скрипкин А.С.</i> Некоторые итоги изучения хронологии сарматской культуры.....	34
<i>Ждановский А.М.</i> К вопросу о передвижениях и контактах в сарматское время (Прикубанье–Поволжье–Средняя Азия.....	35
<i>Железчиков Б.Ф.</i> Степи Евразии и савромато-сарматы Нижнего Поволжья–Дона в 7–3 вв. до н.э.....	37
<i>Максименко В.Е.</i> О савроматской этнической принадлежности язаматов и языгов.....	38
<i>Каминский В.Н.</i> Сарматы в Восточном Закубанье.....	40
<i>Шевченко Н.Ф.</i> Сарматские погребения 4–3 вв. до н.э. из Восточного Приазовья.....	41
<i>Арсеньева Т.М.; Казакова Л.М.; Науменко С.А.</i> Взаимодействие античных и варварских традиций по материалам последних лет раскопок в Танаисе.....	43
<i>Беспалый Е.И.</i> Курганы первых веков н.э. под г. Азовом.....	44
<i>Гугуев В.К.; Гугуев Ю.К.</i> Кавказский керамический импорт на Нижнем Дону во второй пол. 3 – нач. 5 вв. н.э.....	45
<i>Раев Б.А.</i> Новые находки римских импортов в Нижнем Подонье.....	47
<i>Власкин М.В.; Ильюков Л.С.</i> Канфары в сарматских погребениях левобережья р. Сал.....	48
<i>Щукин М.Б.</i> Умбон щита из кургана «Садовый» (к вопросу о сармато-германских контактах).....	49
<i>Яценко С.А.</i> Греко-римское влияние на костюм сармато-алан.....	51
<i>Малашев В.Ю.</i> Сарматы на колонне Траяна.....	52

<i>Симоненко А.В.</i> Из истории взаимоотношений Ольвии и сарматов в 1 в. н.э.....	54
<i>Каменецкий И.С.</i> Античное влияние на керамику донских меотов.....	56
<i>Десятчиков Ю.М.</i> Гунны и аланы-танаиты.....	58
<i>Писаревский Н.П.</i> История ранних скотоводческих обществ Приазовья как научная проблема в исследованиях археологов Северо-Кавказского бюро краеведения середины 20-х – первой пол. 30-х гг. (из истории идей).....	59
<i>Парусимов И.Н.</i> Еще раз об «оболе Харона».....	60
<i>Балащенко Ю.Д.</i> Следование миссии Хосров Мирзы через Северный Кавказ и земли донских казаков.....	62

Подп. в печать 7.05.87 г.   ПК 34398   Тираж 150 экз.

Заказ 1031   Усл. печ. л. 4.25   Бесплатно

© Музей истории донского казачества
